

Александр Чернов

Медвежатники

Подземка

Девушке было лет двадцать. Худенькая, с мальчишеской фигурой, она поначалу не произвела на меня никакого впечатления. Я сидел напротив в почти пустом вагоне метро и от нечего делать пялился на ее кости, обтянутые кожей, белой майкой и короткой джинсовой юбкой с прорезанным сбоку замысловатым, украшенным вышивкой узором.

У едущих в метро людей выражение лиц обычно глуповатое, в глазах пустота. В автобусе дело другое, в автобусе в окно можно уставиться, там за стеклом много интересного происходит, и с лицом полный ажур — выражение осмысленное. А вот в метро... В метро глазеть в окошко вроде даже и неприлично. Могут подумать, будто ты любишься своим отражением в черном стекле. Станешь разглядывать пассажиров — примут за нахала. Вот и приходится напускать на себя задумчиво-отрешенный вид — смотреть прямо перед собой и никого не видеть. Впрочем, есть способ выглядеть более достойно. Нужно лишь открыть книгу или журнал. Вид у читающего человека всегда умный. Именно такой и был у

девушки. Она листала красочно оформленный журнал. В лице тоже ничего примечательного: прямой нос, широкие русые брови, удлиненные наивные глаза, маленький рот, округлый подбородок. В толпе я бы на нее не обратил внимания.

Кроме нас с девушкой, в вагоне ехали еще пять человек: женщина с подростком, очевидно, сыном; небритый полный дядька и двое парней. Женщина оживленно разговаривала с мальчиком; дядька, далеко отставив от себя газету, читал; один из молодых людей — жилистый парень лет двадцати восьми в джинсах и клетчатой рубашке — с уже описанным мной задумчиво-отрешенным выражением на худом, с заостренными чертами лице смотрел на сцепленные пальцы своих рук; другой парень стоял у двери и таранился на девицу. У парня была великолепная фигура — тонкая талия, метровые плечи и мощная грудь, которые подчеркивала обтягивающая светлая майка с широкими проймами. При малейшем его движении от плеч и до кистей рук под смуглой, туго натянутой кожей перекачивались крепкие мышцы. По лицу парня с квадратной челюстью, с сильно выступающими надбровными дугами и неуместно миниатюрным носом блуждала сытая, слегка пьяная улыбка.

То, что в метро было мало людей, не удивительно. Час пик миновал, стрелки часов показывали начало десятого вечера, а для этого времени на отдаленной от центра ветке метрополитена пустые вагоны дело обычное. Гуляки, театралы и прочая праздная и припозднившаяся публика домой еще не возвращались, а рабочий люд уже находился дома, отужинал и теперь отлеживался на диванах у телевизоров. Я бы тоже с удовольствием повалялся в своей кровати с книжкой, да вот пригласил меня отметить день своего рождения мой бывший одноклассник Серега Рыков, с которым мы в школе не были друзьями, а через много лет неожиданно сблизились. Вот и ехал я к Сереге домой после работы голодный и усталый.

Ноги у девушки, надо признаться, были что надо — длинные, ровные, с округлыми коленками, сильными икрами, маленькими изящными ступнями. И тем не менее она была не в моем вкусе, да и молода больно. Короче, виды я на нее не имел, а потому, когда подвыпивший бугай подсел к ней, я деликатно отвернулся, но боковым зрением продолжал наблюдать за тем, что происходит на сиденье напротив.

Бугай сел к девушке вполоборота и что-то сказал. Из-за грохота мчащегося поезда слов было

не разобрать, да я и не прислушивался. Девушка посмотрела удивленно, поняла, что к ней пристают, молча отодвинулась и вновь уткнулась в журнал. Не понравился ей бугай. Но верзила был из тех, кто привык штурмом брать неприступные крепости. Он пересел ближе и вновь задвигал массивной челюстью. Девушка не поднимала глаз. Своей реакцией, а точнее, отсутствием таковой она ясно давала понять, что общение с самоуверенными подвыпившими нахалами не входит в круг ее интересов. Когда не помогла маска Снежной королевы, которая отпугнула бы любого, чуть менее настырного и чуть более трезвого прилипалу, она встала с сиденья и взялась за поручень. Однако девушка выбрала не очень удачное место. Именно там гулял ветерок, вечный попутчик едущих в общественном транспорте пассажиров. Он трепал ее удлиненные русые, не очень густые волосы, что, очевидно, не доставляло девушке никакого удовольствия, и она отступила к двери.

На этом сценка «Барышня и хулиган» не закончилась. Верзила не желал оставаться с носом, резко встал и развязной походкой направился к своей жертве. Жертва стала заметно нервничать и наконец-то заговорила, беззвучно открывая рот, точно рыба. В этот момент электропоезд замедлил ход, а затем ворвался на ярко освещенную

пустынную станцию с колоннами из белого мрамора и люстрами с плафонами, похожими на большие свечи.

— Станция «Пушкинская»! — возвестил по громкоговорителю мелодичный женский голос. — Осторожно, двери открываются!

Электропоезд остановился, в вагон вальжной походкой бездельника вошел парень, явно приклатненного вида, жилистый, с заостренным птичьим лицом. Бугай на мгновение отвлекся, а девица, воспользовавшись моментом, попыталась прошмыгнуть мимо парня к двери. Не удалось. Верзила схватил девушку за руку повыше локтя и, оттолкнув, зажал в углу между поручнем сиденья и стенкой вагона. Двери закрылись, и электропоезд начал втягиваться в туннель. Девушка не на шутку испугалась, запаниковала, заметалась в углу, будто попавшая в силки птичка, и стала беспомощно оглядываться. Все присутствующие в вагоне пассажиры сидели с отрешенными лицами, делая вид, будто ничего не происходит. Решив, что помощи ждать неоткуда, девица притихла, а бугай, продолжая удерживать свою жертву за руку, принялся нашептывать ей нечто такое, от чего голова девицы стала опускаться все ниже и ниже...

Ну, какое мне дело до девчонки и верзилы? Ну, потискает он ее, что с ней станет? Не изнасилует же и не убьет. Доедут они до нужной

девчонке станции, а там полиция и работники метрополитена. Вот пусть они и разбираются, тем более что сами виноваты, раз пьяного в метро пропустили... Но нет, не то воспитание. Покойные папа с мамой учили меня всегда заступаться за слабых, сирых да убогих. И если бы я сейчас остался сидеть, то всю жизнь потом корил бы себя за трусость. Я поднялся и не спеша направился к конфликтовавшей парочке.

— Отпусти девчонку! — произнес я глухо и похлопал парня по плечу.

Верзила медленно обернулся, смерил меня долгим взглядом налитых кровью глаз и презрительно изрек:

— Иди отсюда, папаша!

Ну, какой же я ему папаша? Мне всего-то тридцать пять лет. Я искренне возмутился:

— Но-но, без оскорблений! У нас разница в годах всего в десяток!

Бугай ухмыльнулся. Казалось, он был даже рад тому, что я вмешался в его забаву с девушкой, и все внимание переключил на меня. Он увидел во мне новый объект для развлечений, и, если бы я сейчас спасовал и отошел от него, он все равно не оставил бы меня в покое.

— Но этой разницы хватит, чтобы как следует проучить тебя, — заявил он насмешливо.

Парень действительно был здоров. Хотя я

крепкого телосложения, плечист, выше среднего роста и в отличной спортивной форме, в сравнении с ним я казался щуплым подростком. Тем не менее смело произнес:

— Но для этого тебе все же придется отпустить девушку.

— Без проблем! — тут же согласился верзила, разжал пальцы на руке своей жертвы и повернулся ко мне всем корпусом, расправив плечи, словно предлагая полюбоваться своим ростом и мощью.

Неожиданно бугай развернулся и обрушил на мою челюсть сокрушительный удар. Я совсем не ожидал от противника такой прыти, думал, мы еще перекинемся хотя бы парой фраз, прежде чем перейдем от слов к делу, а потому стоял без напряжения. Удар отбросил меня наискосок к противоположной стенке вагона, где я благополучно приземлился на сиденье. В голове моей будто случилось короткое замыкание, и я почти физически ощутил, как из глаз посыпались искры. Если бы дело происходило на ринге, рефери наверняка открыл бы счет. Через пару секунд ко мне вернулось сознание. Я вскочил, принял боевую стойку и, когда бугай приблизился, с силой ударил его носком туфли чуть пониже коленной чашечки. Нога бугая подломилась, а на великолепных бежевого цвета брюках парня остался грязный след. Хозяин штанов невольно вскрикнул, а я резко

выбросил вперед руку. Верзила слегка отклонился назад, удар вышел слабым, но пришелся в миниатюрный нос и его обладателю явно не понравился. Парень понял, что я в драке не новичок, сразу же перестроился. Он тоже встал в боевую стойку и, прикрыв одной рукой лицо, другой стал выискивать в моей защите брешь. Несомненно, бугай был сильнее меня и, однако я имел преимущество, поскольку в отличие от своего противника оказался трезв как стеклышко и, когда парень «выстрелил» в меня кулаком, без труда увернулся. Еще один удар просвистел мимо моего уха, а вот следующий пришелся точно в цель. Ухо словно обожгло каленым железом. Я выдержал удар, шагнул в сторону, а затем саданул неприятеля сначала снизу кулаком в живот, а потом головой в лицо. Бугай потерял равновесие, сделал несколько шагов назад, остановился и забалансировал руками, будто находился на краю пропасти, однако устоял и снова ринулся в бой. Пора было подключать «тяжелую артиллерию». Подпустив парня поближе, я схватился за верхние поручни, приподнял ноги и ударил ими чуть ниже груди верзилы. Эффект был такой, словно в верзилу с близкого расстояния угодило пушечное ядро. Пролетев в полусогнутом положении несколько метров по проходу вагона, его огромная туша рухнула на спину.

Ехавшая в вагоне публика дружно вскочила с

мест и прижалась к дверям вагона, освобождая нам с бугаем пространство для драки. Не растерялась лишь девчонка — яблоко раздора. Она оказалась психованной. Промычав нечто нечленораздельное, девица бросилась к верзиле и нанесла ему звонкую оплеуху, выплескивая таким образом на пышущую здоровьем физиономию парня всю накопившуюся в ней обиду за поруганную девичью честь.

Однако пощечина была для бугая не более чем хлопок массажиста. Разъяренный парень одним взмахом руки отшвырнул от себя бывшую жертву и грузно поднялся. Его рука потянулась к заднему карману брюк, и секунду спустя в ней блеснуло лезвие ножа. Появление в драке финки явилось для всех присутствующих в вагоне пассажиров, а для меня особенно, неприятной неожиданностью. Я растерялся и стал пятиться. Выставив перед собой руку с торчавшим из нее острым поблескивающим лезвием, бугай приближался с грацией льва, подкрадывающегося к добыче. На его физиономии застыла гнусная ухмылка. Очевидно, парень уже предвкушал тот сладкий миг победы, когда повергнет меня на пол, вспорет мне живот и, выражаясь языком классиков-детективщиков, насладится видом моих внутренностей.

Возможно, все так бы и случилось, как желал бугай, но тут произошло непредвиденное. Когда он проходил мимо прижавшегося к дверям вагона

парня, того самого, жилистого, с заостренными чертами лица, тот неожиданно бросился на верзилу. Неизвестно, какая муха его укусила, но он вдруг сцепленными в замок руками со всей силы ударил бугая по запястью. Верзила не был готов к внезапной боковой атаке и от неожиданности выронил нож. Зарывчав, он кинулся к обидчику. Парень встретил его атаку приличной зуботычиной. Бугай еще больше рассвирепел. Он занес кулак над головой парня, но тут подоспел я и левым свингом отбросил верзилу на середину вагона. Фурией подлетела растрепанная девица, и мы втроем, точно злые осы, закружили вокруг бугая, жаля его многочисленными ударами. Верзила растерялся, спасовал, закрыл голову руками и стал отступать к двери. К счастью для нас, а возможно, и для бугая, электропоезд подъехал к станции, двери открылись, и мы совместными усилиями выпихнули своего обидчика на платформу. Посрамленный, злой как черт верзила тем не менее снова войти в вагон не решился. Когда двери электропоезда захлопнулись, от бессилия и душившей его ярости он оттопырил средний палец руки и сделал неприличный жест, однако мы в ответ лишь рассмеялись, а девица, состроив гримаску, показала поплывшей за окнами вагона физиономии с отвисшей квадратной челюстью язык.

— Все в порядке, граждане! — произнес я

громко, обращаясь к все еще стоявшей в оцепенении публике. — Инцидент исчерпан! — затем наклонился, поднял с пола нож. Это была дорогая вещица с массивной, отделанной янтарем ручкой, с блестящей кнопкой на слегка сужающемся конце ее, отличным стальным лезвием, на котором были выгравированы какие-то знаки. Холодное оружие. Только за ношение такого ножа срок получить можно, а уж за угрозу им и подавно. Тюрьма по бугаю плачет. Я упер лезвие в пластиковую обшивку вагона, нажал на кнопку — лезвие, как в масло, вошло в рукоятку. Не зная, что делать с вещицей, повертел ее в руках и сунул в карман. — Спасибо тебе, друг! — сказал я, протягивая парню руку. — Вовремя ты у этого бугая нож из руки выбил. Если бы не твоя ловкость, верзила бы меня на фарш изрубил.

Парень ответил крепким рукопожатием.

— Да все в порядке, шеф, — произнес он неожиданно блатным тоном и обнажил в ухмылке зубы, два из которых был из желтого металла. — Ты тоже отлично дрался. А фраера мы здорово проучили. Надолго запомнит нашу встречу. — Все: и жаргон, и приблатненная манера говорить, и наколки на худых пальцах рук, и зубы из дешевого металла, какие вставляют на зонах умельцы-зэки, выдавали в парне урку.

И тем не менее парень мне понравился. Я

испытывал к нему благодарность за вовремя оказанную помощь. Я внимательнее присмотрелся к новому знакомому. Не согласен я с теорией Дарвина, утверждающей, будто человечество произошло от обезьян. Кое-кто произошел от птиц. Приглядитесь внимательнее к окружающим вас лицам, и вы поймете почему. Многие из людей похожи на ту или иную разновидность пернатых. Кто-то на филина, кто-то на воробья, кто-то на ворону, а этот парень — на орла. Тот же неподвижный зоркий взгляд круглых, близко посаженных глаз, крючковатый, похожий на клюв нос, небольшой скошенный подбородок, и даже гладко зачесанные назад волосы напоминали оперение птицы.

— Не знаю, как бугай, а я сегодняшней вечер запомню надолго. — Я потер подбородок. — Челюсть еще долго болеть будет.

На поле брани остался лежать помятый журнал с надорванной страницей. Драка не прошла для девушки бесследно, она пребывала в шоке. Двигаясь, словно механическая кукла, девица подняла журнал, разгладила его рукой и с сожалением обронила:

— Жалко журнальчик. Помялся весь. — Голос у девицы был приятным, мелодичным, будто колокольчик.

Голова у парня тоже поворачивалась, как у

птицы, чуть ли не на сто восемьдесят градусов. Он через плечо с удивлением посмотрел на девушку.

— Я вас не понимаю, мадам! — проговорил он тоном галантного человека. — Ваше прекрасное горлышко всего минуту назад могло быть перерезано перышком. Вы чудом спаслись от смерти. Вы жизни радоваться должны, а сожалеете о каком-то журнальчике.

Девушка стала потихоньку отходить от пережитого в драке потрясения. По ее щекам разлился слабый румянец, в движениях появилась уверенность. Она виновато потупилась и промолвила:

— Вы извините, что так вышло. Я не давала верзиле повода заигрывать со мной. Он сам стал приставать.

— Да мы понимаем, — грубовато изрек парень. — Видели все сами. Так что нечего нам объяснять. Чего бугай от тебя хотел?

Девушка смутилась еще больше.

— Гадости говорил всякие. Желал, чтобы я с ним пошла. Деньги предлагал... — Она поморщила нос. — Но хватит о верзиле. Не хочу больше о нем вспоминать. Вы меня спасли, так что с меня причитается. Пойдемте в кафе, я вас угощу.

Я окинул взглядом скромный наряд девушки. По внешнему виду не скажешь, что дочь богатого коммерсанта.

— А денег у тебя хватит? — спросил я с сомнением.

— Я, между прочим, сегодня стипендию получила, — с гордостью изрекла девица. — Так что хватит.

— И ты хочешь, чтобы двое дядей пропили твое жалкое студенческое пособие? — съязвил я.

— Очень хочу, — честно призналась девушка. — Я же ваша должница.

Девушка обращалась исключительно ко мне, а парню, очевидно, не нравилось играть в нашем трио роль второго плана. Он поспешил вылезти на первый.

— Я тоже хочу! — заявил он настырно и хохотнул: — Я всегда готов помочь человеку освободиться от оттягивающих ему карман монет.

Девица по-прежнему обходила вниманием парня. Она вопросительно смотрела на меня, но я покачал головой:

— Нет, ребята, я не пойду. Меня на дне рождения ждут. И так уже опаздываю. Как-нибудь в другой раз. А вы отправляйтесь.

— Тоже дело, — одобрительно произнес парень. — Мы можем и вдвоем посидеть. Со мной не соскучишься, я мужик занятный. Много чего интересного рассказать могу. Ну как, идем, сестричка? — И он многообещающе подмигнул девушке.

Девушка выглядела озадаченной. Очевидно, она соображала, не прогадала ли, предпочтя обществу в общем-то симпатичного и, между прочим, денежного бугая общество фиксатого альфонса-урки. И будь верзила рядом, я бы рискнул поставить на него пару тысяч рубликов. Девчонка поняла, что попала из огня да в полымя, и, обращаясь ко мне, просительно заговорила:

— Ну пойдемте с нами, я вас очень прошу. Мы не отнимем у вас много времени. Здесь неподалеку, на следующей станции, есть приличное кафе. «Экспресс» называется. Посидим в нем полчаса и разойдемся. Меня ведь тоже подруга ждет. Я к ней в гости еду.

И кто ее за язык тянул с дурацким предложением? Я заколебался. У девушки, кажется, был дар попадать в истории. За несколько минут она на моих глазах умудрилась попасть сразу в две. Ну, куда она пойдет с этим блатным, для которого чистка карманов честных граждан, по-моему, является основной профессией. А джентльмен должен оставаться джентльменом до конца. Таково мое жизненное кредо. Выручил из одной передраги — выручай из другой.

Я взглянул на часы и согласился:

— Хорошо, заглянем в кафе, но только на тридцать минут.

У девушки просветлело лицо. Она питала ко

мне искреннюю симпатию, а когда открылись двери вагона и мы вышли на платформу, даже взяла под руку. И чем же это я ей приглянулся?

Неожиданный оборот

Мы прошли по гулкому подземному переходу и вынырнули на поверхность у автобусной остановки, где несколько человек поджидали наземный транспорт. Пересекли тротуар и стали спускаться по широким мраморным ступеням, чередующимся с площадками, к высотному зданию.

Я прекрасно знал, где находится кафе «Экспресс». Частенько бывал в нем в студенческие годы. Оно состояло из двух этажей, являлось придатком гостиницы и лепилось к ней с торца. Кафе летнее — первый этаж работал как столовая, второй — как кафетерий. В нем-то и отиралась местная молодежь и студенты из близлежащих учебных заведений.

Наша троица спустилась на квадратную, окруженную деревьями площадку с припаркованными на ней несколькими автомобилями, пересекла ее и направилась в обход гостиничного комплекса. На фоне сверкающих огней гостиницы ее задворки с плохим, можно сказать никаким, освещением выглядели мрачно и уныло. Впрочем, наверное, именно так и должна

выглядеть теневая сторона парадной жизни с ее складами, холодильными установками, прачечными, котельной, рабочими, призванными в итоге обеспечивать эту самую нарядную жизнь гостей нашего города. Два жизненных потока: один бурный, праздный, с экскурсиями, ресторанами, курортными романами; другой серый, будничный, с планерками, выходными, зарплатами и, возможно, с примиальными. И хотя оба потока не смешиваются, они не могут существовать друг без друга, как не могут существовать корни без дерева и дерево без корней.

Обогнув угол гостиничного двора, мы миновали неширокую полосу зеленых насаждений и оказались на пятачке перед входом в нужное нам заведение с вывеской «Ресторан — Кафе». Буквы были изогнуты из неоновых трубок, причем так витиевато, что прочитав с первого раза два простых слова было довольно трудно. Вход в ресторан оказался черным, главный находился внутри гостиницы и служил для обитателей гостиничных номеров, второй — для посещения ресторана местными жителями. Однако вход в ресторан отличался от расположенного по соседству входа в кафе, как богач от бедняка. Если первый имел шикарное фойе, швейцара, гардероб и туалет, то второй не имел не только вышеперечисленного, но и обычных дверей.

Однако за определенную плату швейцару посетители кафе могли воспользоваться дамской и мужской комнатами ресторана, но дальше фойе вход им был заказан.

В этот час первый этаж кафе был уже закрыт, но на втором царило оживление. По крутой лестнице мы поднялись в кафетерий, где под яркими разноцветными тентами стояли штук двадцать пять длинных столиков. Две стены в кафетерии были глухими, две — стеклянными, одна из них выходила в офис администрации ресторана, другая — в один из залов. Вечерами там играл ансамбль, и посетители кафетерия, где не была предусмотрена танцевальная площадка, с завистью поглядывали на посетителей ресторана, отплясывающих в лучах прожекторов цветомузыки. Там протекала иная жизнь. Поскольку гостиница была дорожкой там крутые люди сорили деньгами, заказывали дорогие блюда, напитки, музыку. Там и любили по-другому — с размахом, шиком, чаевыми, цветами дамам к столу и закусками и выпивкой в номер. Пол ресторана находился на одном уровне с полом кафетерия. В жаркое время официанты приоткрывали вращающиеся на оси длиннющие окна, и тогда сквозь них подвыпившие парочки из кафетерия проскальзывали в ресторан потанцевать. Но после двух-трех танцев неизменно наступал конфуз. Музыканты неожиданно

складывали инструменты и выходили на перерыв. Разгоряченная танцами ресторанный публика возвращалась к своим столикам, а прошмыгнувшие в чужую жизнь парочки некоторое время топтались на месте, ужасно стесняясь на виду у всех лезть обратно в окно. И тогда они, делая вид, будто идут в туалет, дефилировали через весь зал к выходу, спускались в фойе и через улицу возвращались в кафетерий.

В баре мы взяли две порции водки, коктейль для девушки, напиток, бутерброды, пирожное. За все, к моему удивлению, расплатился парень. Когда мы проходили к облюбованному нами столику мимо лестницы, то едва не столкнулись с поднявшимся по ней небритым обрюзгшим мужчиной. Он посторонился, пропуская нашу компанию.

Стол выбрали у перил с видом на внутренний дворик, расположенный этажом ниже. Дворик был квадратным и имитировал уголок дикой природы, состоявший из нагромождения камней, небольшого водопада и нескольких высохших деревьев. Девушка упорно жалась к моей персоне и села на одну скамейку со мной. Парень устроился напротив.

— Давайте знакомиться, — предложил он, пододвигая к себе стакан с прозрачной жидкостью. — Зовут меня Санек, фамилия Чумаев, но можно просто Чума. Я к этой кличке привык. А

как тебя кличут, красавица? — И Санек показал девушке зубы.

Девушка по-прежнему испытывала к парню неприязнь, хотя и старалась открыто не выказывать своего отношения к нему.

— Меня зовут Анастасия, можно Настя, — сказала она сдержанно.

Пришел мой черед представиться.

— Игорь Гладышев. Можно Игорь Степанович или дядя Игорь, я не обижусь, — пошутил я, однако с намеком на разницу в возрасте, которую следует уважать. — За знакомство! — Я стукнул своим стаканом о стакан Чумы и слегка дотронулся до фужера Насти.

— И чем занимается дядя Игорь? — полюбопытствовал Санек, залпом осушив свою порцию водки.

Я набрал в рот пахучую жидкость, прополоскал рот, дезинфицируя кровоточащие от удара бугая десны, и, проглотив водку, ответил:

— Я тренер в детской юношеской спортивной школе номер шесть. Обучаю пацанов вольной борьбе.

Санек оживился:

— О-о!.. — протянул он уважительно. — Тогда понятно, почему тебе удалось без труда справиться с верзилой в метро. Но ежели ты «вольник», чего же кулаками орудовал, а не показал

ему пару приемчиков?

— Я, между прочим, боксом в молодости увлекался, да и основы рукопашного боя изучал, — заметил я скромно. — Одно время даже инструктором по физической подготовке в войсках работал. А насчет приемчиков — у нас с бугаем весовые категории разные. Тяжеловат он для меня.

— С тобой, Игорь, дружить нужно, — заявил Чума с еще большим почтением.

— Дружи, я не против, — согласился я и посмотрел на обрюзгшего мужчину, который с графинчиком водки и бутербродом на тарелке прошествовал мимо нас к соседнему столику и уселся спиной к нам. Мужчина показался мне знакомым. — А ты, Санек, где работаешь? — в свою очередь, полюбопытствовал я.

— А нигде, — с вызовом ответил Чума. — Откинулся я недавно. Пять лет отмотал.

Я мысленно похвалил себя за наблюдательность. Действительно, парень бывшим зэком оказался. Однако радоваться приобретению такого приятеля особенно нечего.

— И за что же ты сидел, Санек? — из вежливости поинтересовался я.

Парень был из гордецов. Он уловил легкое презрение, проскользнувшее в моем тоне, и, по-видимому, в отместку мне с какой-то бравадой заявил:

— Да так, обычная расчлененка. Завалил я одного приятеля на хате, не понравился он мне. Распилил труп в ванной, а потом вынес из дому по кускам и закопал в разных частях города.

Потягивающая коктейль девица поперхнулась и непроизвольно подвинулась ко мне, как ребенок придвигается к взрослому, когда в его присутствии кто-то рассказывает страшную историю. Держа в зубах трубочку, Настя исподлобья взглянула на Чуму, потом на меня и недоверчиво спросила:

— Правда, что ли?..

Я криво усмехнулся:

— Да врет он все. За расчленение не пять лет дают. Если бы он отсидел за него все, что полагается, то был бы глубоким стариком.

— Правильно, — тотчас согласился Чума и взялся за бутерброд. — Не убивал я никого. А срок за драку получил. Ножом одного саданул...

В памяти свежи были воспоминания о встрече с бугаем. Я не хотел говорить ни о драке, ни о поножовщине и поспешил переменить тему.

— С тобой, Санек, все ясно, — заявил я и пододвинул к девушке тарелку с пирожным. — А ты, Настя, у нас студентка. Мы это поняли. Какого института?

— Я в первом меде учусь! — с таким пафосом проговорила девушка, что я невольно пожалел о том, что в свое время пошел учиться в

физкультурный институт, а не в медицинский.

Но Чуме, по-видимому, нравилось страшать девушку, и он не желал менять тему разговора.

— Ха! Так ты будущий медик! — воскликнул он так, словно ему удалось уличить Настю в чем-то нехорошем. — Чего же ты испугалась, когда я о трупе заговорил? Я слышал, студентов-медиков заставляют в моргах так жмуриков потрошить, что расчлененка детской забавой кажется. Некоторые, говорят, даже удовольствие от вскрытия получают.

— Может быть, кто-то и получает удовольствие, я нет! — отрезала девушка. — Тем более что к скальпелю моя профессия отношения не имеет. Я терапевтом буду, а не патологоанатомом или хирургом.

— Ладно, ладно, не злись, шучу я, — примирительно сказал Чума и обратился ко мне: — Кстати, о скальпеле, Игорь. Покажи мне тот ножичек, что ты подобрал с пола в метро.

Нож из рук бугая выбил Санек, и он имел полное право на него взглянуть. Я полез в карман, достал нож и протянул его через стол Чуме. Он взял вещицу, повертел в руках, нажал на кнопку. Из рукоятки выскочило короткое широкое лезвие.

— Славное перышко, — с видом знатока изрек Чума и попробовал ногтем остроту заточки. — За такой ножичек я многое бы отдал. — Он поднял на меня глаза, в которых читалась

зависть. — Слышь, Игорек, зачем тебе перышко? — вдруг спросил Санек. — Отдай его мне!

Я помахал перед собой ладонью так, будто протирал запотевшее стекло.

— Обойдешься! Возможно, этим ножичком кого-нибудь убили. Засветишься с ним где-нибудь, и тебя снова посадят. — Я протянул к Чуме руку. — Дай-ка сюда!

Саньку очень не хотелось расставаться с понравившейся ему вещицей, однако доводы мои он счел убедительными и безропотно вложил в мою руку нож:

— И то верно.

Неожиданно сидевший за соседним столиком человек поднялся и направился к нам. Он слегка прихрамывал. Неизвестно, кто он был и чего ему от нас было нужно. Я быстро положил нож на стол и прикрыл его салфеткой.

— Здравствуйте! Разрешите? — произнес незнакомец. Как большинство тучных людей, он страдал одышкой. Мужчина поставил на наш столик графинчик с водкой, рюмку, тарелку с надкусанным бутербродом и, не дожидаясь приглашения, уселся рядом с Чумой. — Вы, ребята, мне очень понравились. — Незнакомец оглядел меня и Санька масляными глазами. — Я очень хочу с вами выпить. Не возражаете?

— Но-но! — отодвигаясь к перилам,

презрительно воскликнул Чума. — Я с петухами не пью! Проваливай-ка отсюда, дядя!

У толстяка вытянулось лицо.

— Да вы что, мужики! — живо откликнулся он. — Я нормальной сексуальной ориентации. Просто ехал с вами в метро и видел, как вы ловко расправились с тем верзилкой. А я страсть как уважаю смелых и сильных людей. Так что позвольте с вами выпить. — И мужчина, подхватив графинчик, плеснул из него в мой стакан и в стакан Чумы немного водки.

Я вгляделся в толстяка и тут же его вспомнил. Действительно, он ехал с нами в метро в одном вагоне, сидел в дальнем конце его и читал газету. Беспардонность, с какой он влез в нашу компанию, мне ужасно не понравилась. Внешность тоже. У него была коротковатая, слегка отвисшая челюсть, с подбородком, начинавшимся там, где он и должен был начинаться, и заканчивавшимся где-то в районе кадыка. Меж двух отвислых щек торчал похожий на большую картофелину нос. Темные глазки-бусинки смотрели из-под редких бровей настороженно-изучающе и совсем не вязались с тем обликом добродушного толстяка, каким он хотел перед нами предстать. Прическу мужчина носил короткую, в сантиметр длиной. Такой же длины русые с проседью волосы покрывали щеки, подбородок и шею толстяка, из чего явствовало, что

незнакомец не утруждает себя ежедневным бритьем и время от времени бреет голову и бороду одновременно. Одет неплохо, но неопрятно — в мятую, с кругами пота под мышками серую рубашку навыпуск и свободные темные брюки с вытянутыми коленками.

— Валерой меня зовут, — представился толстяк и поднял стакан. — Предлагаю выпить за мужество, отвагу и героизм! Вы хорошие ребята!

Чума с толстяком выпили водки, я же повременил и взялся за бутерброд.

— Я хочу вам работу предложить, — заявил Валера и снова плеснул из своего графинчика в стакан Чумы. — Работенка как раз для таких бойких ребят, как вы. Я видел вас в деле и думаю, вы справитесь. Девушка тоже пригодится.

Толстяк сделал паузу, ожидая реакции на свои слова, но мы помалкивали, в свою очередь, ожидая самого предложения. Толстяк, сообразив, что пока ничем нас не заинтересовал, снова открыл было рот, однако в этот момент раздалась трель мобильного телефона. Валера достал из нагрудного кармана рубашки небольшую плоскую трубку, приложил ее к уху.

— Алло?! — произнес он и, немного помолчав, проинформировал: — Да здесь я, неподалеку, в «Экспрессе». Скоро буду. Жди! — Отключив мобильник, толстяк положил его на стол

и сообщил нам: — Жена звонила, беспокоится... А насчет работенки дело пустяковое. Необходимо добыть у одного мужика нужную мне вещь.

Не разжимая зубов, Санек медленно втянул в рот водку, поставил стакан на стол.

— Поподробнее, пожалуйста, дядя, — с напускной вежливостью попросил он.

Валера замялся, потом, тщательно подыскивая слова, заговорил:

— В общем, дело такое... Нужно вломиться к мужику домой и забрать у него то, что я скажу...

— И всего-то?! — дурашливо улыбаясь, изрек Чума. Он уже слегка захмелел. — А ты знаешь, дядя, то, что ты предлагаешь, очень уж на гоп-стоп смахивает, а то и на разбой. Ты хоть знаешь, сколько по этим статьям дадут?

Валера хохотнул и фамильярно подмигнул Саньку:

— А я разве не сказал, что за эту работу заплачу? Хорошо заплачу, ребята. По десять штук каждому... — Он многозначительно посмотрел на нас и добавил: — ...баксами!..

Глаза Чумы блеснули, как две монетки, только что вышедшие с монетного двора. Многое можно было прочесть в этих неподвижных, круглых, как у птицы, глазах. И мечты о сытой беззаботной жизни, и боязнь проколоться и снова угодить за решетку, и восторг от названной суммы, и сомнение в

правдивости слов толстяка, и опасение продешевить, и борьбу с желанием тут же дать согласие, и многое, многое другое. Ах, толстяк, толстяк, змей-искуситель. Из-за таких, как ты, и изгоняют из рая!

Девушка тоже представляла живописную картину. Сообщение о десяти тысячах произвело на нее такое же впечатление, какое производит на дикаря обещание подарить ему новые стеклянные бусы. На лице Насти застыло выражение восхищения, смешанное с недоверием.

— Вы сказали, десять тысяч?! — переспросила она.

— Вот именно, каждому, — невозмутимо заявил Валера. — Я от своих слов не отказываюсь.

Чума оживился. Презрительного отношения к толстяку у него как не бывало.

— Что нужно забрать у мужика? — деловито осведомился он, обнаруживая бившую в нем криминальную жилку.

— А вот это пока секрет, — важно произнес Валера. — Когда ударим по рукам, тогда и расскажу обо всем подробно.

— Ну хорошо, — не стал настаивать Санек. — Тогда еще один вопрос: почему бы тебе, толстячок, не сэкономить деньги и самому не забрать у мужика то, что нужно?

Валера развалился на скамейке. Очевидно, он

уже считал дело по найму нас на работу решенным, а потому позволил себе хозяйский, слегка небрежный тон.

— Не могу. Мужик этот меня знает — это раз. А во-вторых, я уже говорил: мне нужны сильные, ловкие и смелые люди. Когда ты увидишь дом, в который я вас посылаю, ты поймешь почему. Ну так как, согласны?.. — И Валера, приоткрыв рот, словно ему тяжело было удерживать в сомкнутом состоянии заплывшую жиром челюсть, выжидающе уставился на нас.

Я слушал толстяка, раздражаясь все больше и больше. Что он, дурак — предлагать мне такие вещи! С какой это стати я, честный, законопослушный гражданин, полезу в чей-то дом?

— Нет, не согласны! — рявкнул я, сдерживая желание плеснуть Валере в лицо водку из стакана.

Толстяк посмотрел на меня тяжелым взглядом.

— Это почему же?

— А потому, — сказал я с угрозой в голосе, — что ваши понятия о чести, мужестве и героизме здорово отличаются от наших понятий по тому же поводу. И вообще, уважаемый, советую вам держаться от нас подальше, иначе сохранность ваших костей я вам не гарантирую.

На мгновенье Валера сузил глаза, и его лицо стало злым и жестким, однако мышцы на нем тут

же расслабились и он вновь «подобрел».

— Ну хорошо, хорошо, — примирительно сказал толстяк. — Не будем ссориться. Давайте выпьем!

Валера вновь вскочил со своим графинчиком и потянулся через стол к моему стакану. В этот момент в ресторане грянула музыка. Это было так неожиданно, что наша компания дружно повернула головы к окнам. Там за легкими тюлевыми занавесками задвигались неясные фигуры. Посетители ресторана стали вставать из-за своих столиков и направляться к площадке перед эстрадой. Когда я снова оборотил взор к присутствующим за нашим столиком людям, толстяк уже сидел на своем месте и добродушно мне улыбался.

— Я с неприятными мне людьми не пью! — заявил я громко, перекрикивая музыку, и резко отодвинул от себя стакан. Затем повернулся к засмотревшейся на ресторанный публику девушке и велел: — Вставай, нам домой пора.

Настя суетливо и излишне поспешно вскочила, похожая на зазевавшегося пассажира, неожиданно услышавшего по радио об отправлении его поезда. К моему удивлению, встал и Чума, хотя, как мне казалось, он собирался задержаться. Вынужден был подняться и Валера. Он встал грузно, неловко и казался разочарованным.

— Жаль, что мы с вами не нашли общего языка, — проговорил он, разведя руками. — Но если вы передумаете, как вас найти?

— А никак, — изрек я. — Мы не передумаем. Прощай, дядя!

Чуме очень не хотелось расставаться с мечтой заполучить десять тысяч баксов. Поколебавшись, он неуверенно сказал Валере:

— Я вообще-то в таксопарк на Волоколамке на работу устраиваюсь. Там меня найдешь. Чумаев моя фамилия. Зовут Санек.

Валера тоже стал собираться. Он взял со стола мобильник, сунул в нагрудный карман рубашки. Он явно намеревался покинуть кафетерий вместе с нами. Я не хотел идти с ним одной дорогой и, чтобы отделаться от него, потянул девушку за руку к бару.

— Пойдем, Настя, я воды хочу попить.

Мы направились к стойке бара, за нами потянулся и Санек. Оставшись в одиночестве, толстяк потоптался у столика и начал спускаться по лестнице.

Бармен — прилизанный парнишка в белой рубашке и при бабочке — выдал нам большую бутылку минеральной воды, которая через пару минут оказалась в наших желудках. Выждав еще пару минут, наша компания двинулась к выходу.

На улице гулял ветерок, было тихо, темно и

безлюдно. Хотя я был навеселе, мне отчего-то было грустно, клонило в сон. Заходить к Сереге я передумал. Настроение дрянное, вид унылый, чего другим людям праздник портить? Да и поздновато уже по гостям расхаживать. Я решил дойти до центральной дороги, попрощаться с новыми знакомыми и на такси отправиться восвояси.

Не тут-то было! Едва мы вошли в полосу зеленых насаждений, как из темноты вынырнули три человека. В одном из них я узнал верзилу, двух других парней видел впервые. Неприятный холодок лизнул меня между лопатками, и я непроизвольно замедлил шаг, чувствуя плечом тепло девушки, испуганно прильнувшей ко мне. Гулко, тревожно стучало в ее груди сердце. Шедший с левой стороны от меня Чума напрягся и тоже перешел на шаг увязающего в болоте человека. Через пару метров все втроем окончательно увязли в трясине и остановились.

— Вот и попались! — хмуро сказал знакомый бугай, стоявший в окружении парней на нашем пути. — Мы уж весь квартал обегали в поисках вас. Думали, не найдем...

С такой компанией нам троим было ни за что не справиться. Я попробовал урезонить верзилу.

— Слышь, парень, — произнес я, подыскивая в голосе подходящие случаю мирно звучащие нотки. — Ну, погорячились немножко и ты, и мы.

Дело прошлое. Давай заключим мир и отправимся по домам.

Однако потерпевшему в метро публичный афронт верзиле требовалась сатисфакция.

— Ну вот еще! — воскликнул он тоном заядлого дуэлянта. — Я обид не прощаю!

— Успокойся, парень! — потребовал и Чума. — А то хуже будет!

— А вот это мы сейчас увидим! — с бравадой вскричал бугай и сжал кулаки.

О примирении сторон не могло быть и речи, и я приготовился к акту агрессии со стороны враждебного лагеря, а именно: отодвинул в сторону девушку, дабы не мешала свободе моих действий. Ну, поехали! Верзила сделал шаг вперед и размахнулся. Волнения как не бывало. Мгновенно обострились зрение, слух, я напряжился, подобрался. Сконцентрировав внимание на летящем в мое лицо кулачище, я отклонился назад и вправо и одновременно послал свой кулак правым крюком в скулу бугая. Голова верзилы дернулась, однако он выдержал удар и снова бульдозером попер на меня.

Мои действия послужили сигналом начала атаки для Чумы. Парень оказался на редкость отчаянным. Краем глаза я видел, как он очертя голову бросился на одного из приятелей бугая. Верзила же обманным движением в голову заставил

меня ослабить защиту корпуса и врезал мне по печени. На несколько мгновений я потерял возможность дышать. Следующий удар в живот согнул меня пополам. Теперь я оказался в невыгодном положении: сам был навеселе, в то время как мой противник протрезвел. И я пропустил еще один удар, теперь уже в челюсть, который разогнул и отбросил меня к дереву. Верзила вновь замахнулся.

Не знаю, что со мной было бы, если бы не Настя. Возможно, бугай разможил бы своим кулачищем мою голову, а возможно, пробил бы грудную клетку и вырвал мое сердце. Но мне суждено было остаться в живых. Девушка вдруг бесстрашно повисла на этой самой руке бугая и завизжала:

— Помогите!!! — Но ее крик был гласом вопиющего в пустыне. Желающих прийти нам на помощь не оказалось.

Бугай стряхнул с себя девицу, как пес игривого щенка. Она отлетела в сторону, однако тут же с упорством одержимой вновь бросилась на верзилу. К нему на помощь пришел один из приятелей, пока еще не участвовавший в драке. Он отцепил девчонку от верзилы и пятерней ударил ее в лицо. Настя попятилась, споткнулась и упала в траву. Этот эпизод драки девушки с бугаем и его приятелем длился считанные секунды, но мне их

вполне хватило, чтобы очухаться. Собрал всю свою волю в кулак и вложив в него всю имевшуюся у меня в запасе силу, я заставил себя сосредоточиться и заехал этим мощным оружием снизу в челюсть отвлекшегося от меня противника. Бугая будто оторвала от земли невидимая сила, развернула в воздухе и уложила на землю, раскидав в стороны руки и ноги. Все, можно открывать счет!..

Однако рефери не успел бы досчитать и до пяти, как верзила, к моему изумлению, снова оказался на ногах. Он был взбешен, как бык, получивший в загривок удар пики пикадора. Что тут началось! Бугай, изрыгая проклятья, кинулся на меня, толкнул... и я, пятясь, налетел спиной на орудующих кулаками Чуму и другого парня; подлетела разъяренная Настя; подскочил приятель верзилы, и пошло-поехало! Началась самая настоящая бойня. В воздухе мелькали руки, ноги и другие части неизвестно чьих тел. В ход пошли ногти и даже зубы девушки. Дрались без единого слова, исступленно, словно бойцовые петухи на арене. Я раздавал удары направо и налево, не разбирая ни своих, ни чужих. Мне отвечали тем же. Постепенно я стал выдыхаться, слабеть — и снова нарвался челюстью на кулак бугая, и он снова пригвоздил меня к дереву. Еще удар и еще... Теряя сознание, я на краткий миг закрыл глаза, однако успел заметить, как мне в лицо, будто в

замедленной съемке, летят, увеличиваясь в размерах, сжатые пальцы бугая. Приближалась моя смерть. Но в следующее мгновение, когда я усилием воли разомкнул налитые свинцом веки, произошло невероятное. Верзила неожиданно обмяк, стал валиться на меня, и я вместо смертельного удара ощутил легкий тычок в лицо. Я оттолкнул от себя бугая... И тут то, что я увидел, заставило меня закричать. Парень стоял с застывшим выражением ужаса на лице, прижав левую руку к груди. Из нее торчала рукоятка ножа. Того самого ножа, который я оставил на столе в кафетерии и который потом куда-то запропастился вместе с салфеткой. Как и куда он исчез, сколько я позже ни напрягал свою память, вспомнить не мог. Бугай зашатался, захрипел и повалился на землю на бок, орошая свою одежду и траву кровью. Клубок дерущихся мгновенно распался. Обступив бугая, враждующие стороны молча пялились на корчащееся в судорогах тело, еще не осознавая в полной мере того, что стряслось.

— Так они же его прирезали! — наконец с удивлением и испугом тихо произнес один из парней. — Они его грохнули, Колян!

И тут невдалеке раздалась трель полицейского свистка. Откуда здесь взялись представители охраны правопорядка, было непонятно. Это был тот случай, когда я мог сказать, что полиция прибыла

не вовремя.

— Шухер, Колян, сматываемся! — вскричал все тот же парень и кинулся наутек.

Второй припустился следом за ним. Побежал и Чума. Полицейский свисток перешел на истеричную трель, и все трое прибавили прыти. Я стоял оглушенный, не в силах сдвинуться с места. Это был шок, паралич, клиническая смерть. Таких потрясений в своей жизни я еще никогда не испытывал.

Вывела меня из этого состояния Настя.

— Ну чего же ты стоишь?! — крикнула она мне в самое ухо. — Бежим! — И девушка дернула меня за руку.

Черт ли меня дернул в тот момент, ангел ли хранитель, но я побежал, с каждой секундой все убыстряя и убыстряя бег.

Друг детства

Я, в общем-то, личность, давно сформировавшаяся — некурящий, малопьющий, морально устойчивый человек. И какого черта я тогда побежал, ума не приложу. Как я, добропорядочный гражданин, воспитатель, мог так поступить?.. Это было какое-то наваждение, минутное проявление слабости, о которой я впоследствии не раз сожалел. Страх, животный

страх гнал, хватал меня за пятки, когда я бежал рядом с девчонкой, не думая о последствиях. В то время я хотел лишь одного: оказаться как можно дальше от того места, где на земле лежал умирающий бугай.

У центральной дороги мы с Настей расстались. Я перебежал дорогу, нырнул в темноту дома, затем в подворотню и перешел на шаг. Рубаха моя была в крови бугая, изо рта и носа сочилась собственная кровь, глаз, я чувствовал, распух. Добираться в таком виде через весь город домой все равно что идти с плакатом на груди: «Я убийца!» Мне следовало привести себя в порядок, и ближайшее место, где я мог это сделать, — дом Сереги. Волей судьбы побывать на днюхе моего приятеля этой ночью мне все же придется. Придерживаясь неосвященных мест, где обретались компании подростков и редкие парочки влюбленных, я направился к Рыкову.

«А как я должен был поступить там, у стен гостиницы? — снова и снова возвращался я к одному и тому же вопросу. — Дождаться полиции и рассказать о том, как все произошло? О том, что я, взрослый мужик, связался с парнем и девчонкой, затеял драку, а потом в ней одному из ребят всадили под ребра нож?» Если по совести, то именно это я и должен был сделать... Но... В общем, мне не было оправдания. Хотя не все еще

потеряно, я мог вернуться и сдаться, однако продолжал идти по кварталу, теша себя надеждой, что бугай останется жить. Не может же вдруг такой пышущий здоровьем верзила взять и умереть. Наверняка подросли полицейские, вызвали «Скорую помощь», и бугай сейчас находится в руках опытных врачей. Но как бы там ни было, одно я знал точно: нож в бугая я не всаживал, а следовательно — как я считал, — перед законом был чист. Ну, а что касается морально-этической стороны не дававшего мне покоя вопроса, что ж, пусть мой малодушный поступок останется черным пятном на моей совести. Живут же люди с грузом на душе и потяжелее. Свыкнусь. Никто из компании меня знать не знает, а значит, полиция не найдет. Так что нужно взять себя в руки и поскорее забыть обо всем том, что случилось сегодняшним вечером.

Так, успокаивая себя, я дошел до конца квартала, где в окружении высоких деревьев стоял пятиэтажный дом. Стрелки часов показывали двадцать минут двенадцатого. Многие окна пятиэтажки светились, жильцы еще не спали, но возле дома было пустынно. Никем не замеченный, я прошмыгнул в полутемный подъезд и стал подниматься на третий этаж.

Сергея Рыков, как я уже упоминал, мой однокашник. Насколько я помню, в школе он ничем

не выделялся, в лидерах никогда не ходил, так, неприметная личность, с которой и дружбу особо никто не водил. Впрочем, было у Сереги одно качество, которое отличало его от других ребят. Он был страстный радиолобитель. Рыков вечно носился с какими-то транзисторами, конденсаторами, диодами, сопротивлениями и прочими радиодетальями. Приставал к физику с микросхемами, сам неплохо в них разбирался, и для него собрать какую-нибудь цветомузыку, электрический звонок с несколькими мелодиями или даже радиоприемник не составляло особого труда. После школы он поступил в институт связи, а после его окончания долгое время работал на какой-то фирме инженером. Однако ушел к солидному — скажем так — бизнесмену личным водителем. Разумеется с меньшей зарплатой на большую. Ездил Серега на новеньком «Мерседесе» и, похоже, жизнью был доволен. Работой босс его особо не загружал, вызывал, когда потребуется, по мобиле, так что машина часто оказывалась в личном Серегином распоряжении, чем он без зазрения совести и пользовался. И вот появилась с некоторых пор в Рыкове некая вальяжность, медлительность и показная невозмутимость, свойственная людям, неожиданно попавшим из грязи в князи. Но таким Серега был не всегда, а чаще в те моменты, когда привозил шефа с

какого-нибудь кутежа, где на правах водителя слегка общался с сильными мира сего и окружавший тех людей ореол величия волей-неволей касался своим сиянием и Рыкова. Возвращался Серега восвояси под впечатлением проведенного с боссом времени, осиянный лучами чужой славы, с ложным нимбом над головой. Вот тогда он и начинал говорить с людьми снисходительно-покровительственным тоном сошедшего с небес, слегка приклатненного святого. Но постепенно свечение над головой Рыкова рассеивалось, и он становился самым обычным парнем.

И еще одна страсть была у Сереги, которую он приобрел уже после окончания института, — страсть жениться. Жен у Рыкова было пять, не скажу — одна другой краше, но, в общем, не уродливые. По утверждению Сереги, жены любили его до безумия и, по его же утверждению, служили ему верой и правдой. Помимо имени, данного его женам родителями, у них было неофициальное звание, присвоенное им супругом в соответствии с тем, в какой последовательности они состояли у него на службе. Итак, первая жена Ира состояла с ним в законном браке семь лет. Она, единственная из всех бывших жен, подарила ему ребенка. Вторая жена, тоже Ира, прожила с ним три года. Между прочим, старше Сереги на десять лет, между

прочим, танцовщица и, между прочим, до сих пор, несмотря на бальзаковский возраст, сохраняет прекрасные формы. «Промежуточная», или гражданская, жена Лена — срок сожителства шесть месяцев. Очередную жену Таню, самую молодую, двадцатидвухлетнюю особу, любил он года два. Альянс с последней женой Ольгой у него продлился три года и вот несколько месяцев назад благополучно распался. Так что пока Серега ходил в холостяках, в весьма несвойственном для него семейном положении, и уже поговаривал о шестой новой жене. Судить Рыкова за многочисленные браки и разводы я не берусь, потому как сам разведен, однако не в пример ему заводить вереницу жен не собираюсь. Особой дружбы я к Сереге не испытывал, общих интересов у нас было мало, а потому нас связывали чисто приятельские, ни к чему не обязывающие отношения, какие могут связывать двух неженатых мужчин. Иногда, как, например, сегодня, мы встречались.

...На лестничной площадке третьего этажа лампочка, к моему удовольствию, не горела. Пятна крови на моей рубашке могли вызвать кучу вполне обоснованных вопросов, поэтому я на всякий случай рубашку снял, свернул ее и сунул под мышку. Впрочем, вид полуголого ночного гостя мог вызвать не меньше вопросов, и все же я предпочел предстать перед гостями Рыкова именно

так. Трель звонка возвестила о прибытии запоздалого визитера. И снова удача. Дверь открыл Серега.

Рыков — невысокий, слегка оплывший жирком тридцатипятилетний мужчина. Голова яйцевидная, что особенно бросалось в глаза теперь, когда Серега изрядно облысел. Да-а... Сейчас уже не всякая экспертиза сможет установить по остаткам растительности, украшавшей по бокам его череп, что некогда у Рыкова была кучерявая светло-русая шевелюра. Лоб, понятно, из-за лысины кажется большим, а вот челюсть на его фоне — маленькой. Высокие скулы, слабо очерченная линия рта, закругленный нос, светло-голубые, будто выгоревшие глаза и вырождающиеся редкие брови с длинными курчавыми волосками завершали портрет моего приятеля. И за что только Серегу бабы любят?.. Одевался Рыков с иголочки, как того требовала служба у такого солидного работодателя. На нем всегда была белая отутюженная рубашка, темные классического покроя брюки, черные туфли и в любое время года белые носки.

Разглядев меня в темноте подъезда, Рыков, как я и предполагал, ахнул.

— Чего это с тобой случилось, Игорь?! — воскликнул он изумленно, разглядывая мою разбитую физиономию, голый торс и свернутую

под мышкой рубашку.

— Да так, поцапался с ребятами рядом с твоим домом. — Я вытащил Рыкова на лестничную площадку, прикрыл дверь и негромко спросил: — Гостей у тебя много?

— Думаешь, все только и ждали твоего прибытия? — проворчал мой приятель. — Разошлись уже. Да и гостей-то было шесть человек. Две девушки только и остались. А в общем, молодец, что пришел, — зашептал он заговорщически. — А то я не знаю, что мне с двумя делать. Возьмешь одну мадам на себя.

Я невольно хмыкнул:

— Видок у меня как раз подходящий, чтобы шуры-муры разводить. Ладно, девушек пугать не будем. Ты отвлеки их, а я в ванную проскользну, приведу себя в порядок. Да рубашку мне какую-нибудь дай! — шепнул я приятелю, когда он приотворил дверь. — А то твои дамы бог знает что подумают.

— Ладно, ладно, я все понял, — усмехнулся Серега и шагнул в квартиру.

Парень он догадливый, выключил в прихожей свет. Когда Рыков направился в сторону зала, я прошмыгнул за его спиной в ванную и запер дверь на шпингалет. Ванную Серега содержал в порядке: не очень грязно, с точки зрения мужчины, и не очень чисто, с точки зрения женщины. Разумеется,

не каждого мужчины и не каждой женщины. Я подошел к раковине и взглянул в висящее над ней овальное зеркало. Боже мой! И это солидный мужчина, тренер детской юношеской спортивной школы, чемпион города по борьбе! Мой нос, античный нос, предмет моей гордости, распух, причем на одну сторону, словно в нем выскочил чирей. Под одним глазом красовался синяк, под другим — царапина. Губы были вывернуты и смотрелись так, будто я прилип ими к оконному стеклу. Прическа не пострадала — как была короткой, солдатской, такой же и осталась. Шутки шутками, но как же я завтра на работу пойду?

Я прополоскал рубашку под краном в семи водах, добившись восьмой, не окрашенной в красный цвет воды. Затем замочил рубашку в тазике, дабы окончательно уничтожить остатки крови бугая. Стирка для меня не проблема. Дома с грязным бельем я управляюсь сам. Отстираю так, что ни одна экспертиза ни к чему не придерется. Ну-с, с рубашкой проблема решена, а вот как быть с физиономией? Нужна неделя, чтобы зажили следы, оставленные кулаками бугая. Я умылся, снял с крючка полотенце. В этот момент раздался стук в дверь. Я впустил Серегу в ванную. В руках мой приятель держал чистую рубашку.

— И как же это тебя угораздило-то? — проявляя сочувствие, полюбопытствовал он, имея в

виду происхождение все тех же злополучных синяков и ссадин на моем теле. — Как все произошло?

Тщательно промокая лицо полотенцем, я сквозь него ответил, сочиняя на ходу историю:

— Ну, как это бывает... Попросили пацаны закурить. Человек пять их было. Я сказал, мол, может, вам еще и выпить дать? Они и прицепились. Слово за слово, ну и давай махать кулаками. Как видишь, мне перепало. — Я отнял от лица полотенце. — Я им, конечно, тоже как следует врезал.

— Скоро от этих пацанов проходу не будет, распустились, мерзавцы, — попенял на распоясавшуюся молодежь Рыков. — Может быть, в полицию следует заявить?

«Мне сейчас только заявление в полицию на бугая подавать», — подумал я с горькой иронией.

— Не надо! — Я повесил на крючок полотенце, взял у Сереги рубашку и стал надевать. — Они мне врезали, я им, так что мы квиты. — Я застегнул рубашку на пуговицы и критически оглядел себя в зеркале. Одежка была не по росту. Закатал рукава, чтобы скрыть их кургузый вид, и с наигранной веселостью хлопнул приятеля по плечу: — Ну давай, Казанова, показывай своих дам!

Мы покинули ванную, прошли в прихожей по

паласу и ступили в небольших размеров гостиную.

Квартира принадлежала Сереге. Она осталась за ним после развода с первой женой. Ира быстро подцепила себе через брачное агентство зажиточного жениха из Англии и укатила к нему. Видать, так она любила Серегу, что бросила все: квартиру, дачу, гараж, старенький личный автомобиль и без оглядки бежала за границу, прихватив лишь единственное сокровище — сына.

На диване сидели две девушки, если можно применить это определение к особам женского пола, достигшим тридцатилетнего возраста. Одна — пышноволосая брюнетка в черном платье выше колен, с хорошей фигурой, длинными ногами и лицом, похожим на резиновую маску, которую слегка растянули, отчего нос, скулы, подбородок и лоб удлиннились, глаза округлились, уголки рта опустились, а брови приподнялись. Другая тоже брюнетка, но с мелированными волосами, еще более пышными, чем у первой. Ее лицо не отличалось особой красотой, и она украсила его накладными ресницами, яркой губной помадой и не менее яркими тенями. На горбатый нос и щеки с пористой кожей, видать, краски не хватило, и они выглядели бледными пятнами на общем фоне лица. Фигура ее мне тоже не понравилась — дебелая и какая-то бугристая. (Бюст и ягодицы за бугры не считаются.) Небольшие выпуклости и впадины,

которые не могло скрыть даже темное свободное платье, были у молодой женщины повсюду: на бедрах, коленях, икрах, ключицах и тех местах, куда обычно делают уколы лежащему на животе человеку. Это я заметил позже, когда она встала.

Мое появление в гостиной в обличье монстра, как и следовало ожидать, произвело на девиц неизгладимое впечатление. Они были ошарашены и озадаченно взглянули на Серегу.

— Это не бомж, — сказал он со смехом, подталкивая меня к дивану. — Это мой приятель Игорь Гладышев. Он борец, и сегодня на тренировке ему нанесли небольшие увечья. Но не пройдет и недели, как он снова превратится в прекрасного юношу. Такие метаморфозы случаются с ним довольно часто.

Кивком я поблагодарил приятеля за находчивость и поклонился дамам. Они стали понемногу привыкать к моему виду и уже смотрели на меня, не могу сказать с симпатией, но уж с меньшим омерзением, это точно. Глаз, во всяком случае, не отводили.

— Это Нина, — представил Серега девицу с «растянутым» лицом. — А это ее сестра Лена, — плавный жест оперного певца на сцене в сторону «бугристой».

Признаться, я уже и так догадался, что девицы — сестры. Было в их лицах неувловимое сходство.

Рыков между тем разыгрывал из себя гостеприимного хозяина.

— Прощу к столу! — изрек он тоном мажордома, приглашающего господ к вечерней трапезе. — Отведать, так сказать, то, что осталось.

— Я сыта, — возвестила Нина, и «резиновая маска» на ее лице шевельнулась. — Но сяду с вами, чтобы поддержать компанию.

— А я, пожалуй, выпью еще шампанского и съем кусочек торта, — вторила ей тихим грудным голосом Лена, следом за сестрой вставая с дивана.

Конечно, как и следовало ожидать, «бугристая» досталась мне. Серега это недвусмысленно дал понять, обособившись с «хорошей фигурой» на другом конце стола, уставленного тарелками с остававшимися в них на донышках закусками, которые Рыков, надо полагать, приобрел в каком-нибудь кафе, ибо таких блюд ему ни за что в жизни самому не приготовить.

Я наполнил рюмку водкой и предложил тост в честь виновника торжества:

— Желаю тебе, Серега, счастья, здоровья, удачи, денег, ну новый хомут на шею ты уж и без моих пожеланий сам себе наденешь. В общем, за твое тридцатипятилетие, приятель!

— Мне, между прочим, тридцать шесть, — кокетливо сверкнув лысиной, признался Рыков. — Ты разве забыл, что я в классе был старше вас всех?

Я в школу в восемь лет пошел.

Честно говоря, я и не помнил, а точнее, никогда и не знал о таком выдающемся факте из истории нашего класса.

— Правда? — сделал я вид, будто запомнил. — А выглядишь на пару месяцев моложе!

Некоторая скованность, какую испытывает присоединившийся к уже спянной компании человек, рассеялась во мне после третьей рюмки, и я разговорился. Я рассказал кое-что о себе и узнал нечто о девицах. Например, то, что у Нины свой магазинчик, живет она неподалеку от Сереги одна, с дочкой в двухкомнатной квартире, хорошо шьет, готовит и любит бразильские сериалы. Лена, напротив, терпеть не может бразильских сериалов, но тоже умеет готовить, тоже живет в двухкомнатной квартире, но с мамой. Работает в школе учителем физики в старших классах — однако со мной она говорила так, будто я учился в третьем.

— Ешьте! — приказывала она голосом старой мымры, пытаясь положить мне в тарелку фасоль, и, когда я отказывался, сразу убирала салатницу со словами: — И правильно! Фасоль отрицательно действует на работу желчного пузыря. Может быть, хотите кусочек торта? — И если я снова отвечал отказом, тут же соглашалась, склонив голову: — И

правильно! От сладкого полнеют. — Однако отрицательное влияние сладкого на фигуру не помешало ей съесть вместо обещанного одного два куска торта и горсть шоколадных конфет. Хотя Лена с преувеличенным вниманием слушала болтовню Сереги и Нины и совсем не слушала мою, всеми силами стараясь показать, что я ее совсем не интересую, нутром я чувствовал, что очень, очень даже наоборот.

Конечно, сейчас мне легко с юморком вспоминать о событиях того вечера у Рыкова, в то же время мне было не до смеха. Меня терзали противоречивые чувства; на душе лежал тяжелый камень; в голову, как я ни гнал их, настойчиво лезли черные мысли. Я мало ел и много пил, стараясь заглушить алкоголем укоры совести, страх за будущее и, чего там греха таить, страх перед возможностью увидеть небо в клетку. Серега, наоборот, много ел и почти ничего не пил. Я человек прямой, а потому без околичностей указал Рыкову на его промахи.

— Нет-нет, Серега! — проговорил я, плохо попадая вилкой в половинку соленого огурца, лежащую у меня под носом на тарелочке. — Ты должен выпить, и обязательно со мной, не то я обижусь!

Снисходительно посмеиваясь над моей глупой настойчивостью, Рыков заявил:

— Не приставай, Игорь, ты же знаешь, мне завтра за руль садиться, шефа на работу везти, а он в два счета лишит меня места, если учует запах перегара. Да и других дел полно.

— Это какие же у тебя дела? — заявляя свои права на Серегу, ревниво поинтересовалась Нина.

— Да так, — небрежно произнес Рыков. — Хочу сгонять на дачу. Давно там не был. Шеф отпускает на пару часиков.

— Ну вот, — надула губки Нина, отчего опущенные уголки ее рта опустились еще ниже. — Обещал мне дачу показать, а сам без меня уезжаешь!

— Ладно, Ниночка, не злись! — Серега похлопал женщину по спине, как наездник хлопает по спине не в меру ретивую лошадку. — Выберем время и обязательно съездим на целый день. Тебе там понравится, обязательно понравится, ты увидишь.

Я бы тоже с удовольствием съездил к Рыкову на дачу, подальше от всех проблем, свалившихся на мою голову. Повалился бы с недельку в полном одиночестве на живописном берегу озера, близ которого расположен загородный домик. Я ездил на дачу пару раз с Серегой на шашлыки, и мне там очень нравилось. Увы, работа... И проблемы, мои проблемы, которые нужно решать. И тут в пьяном угаре я принял решение завтра же с утра

отправиться в полицию и все рассказать, а там будь что будет. В конце концов, я честный человек и должен им оставаться. «Никогда Игорь Гладышев не был трусом, — убеждал я себя. — Героем — да, подлецом и трусом — нет!» Отвечая своим мыслям, я даже стукнул кулаком по столу, чем вызвал косою, полный осуждения взгляд Лены в свою сторону. И когда я принял окончательное решение, мне стало легко и свободно, будто сдавливающие мою грудь тиски вдруг ослабли. Я заметно повеселел и, как только Рыков включил музыку, первым вскочил с места и потащил на середину комнаты Лену. Мы задвигались в медленном танце, ее руки обвивали мою шею, мои — ее талию, и до того мне, черт возьми, приятно и покойно было находиться вблизи этого большого «рельефного» тела, ощущать исходившее от него тепло, что я не удержался от переполнявших меня чувств и принялся нашептывать слова любви на ухо Лене. Она слушала меня с терпеливым вниманием, с каким, очевидно, привыкла выслушивать ответы учеников, одобрительно кивала и вежливо улыбалась.

После пары танцев Серега под предлогом показа своих новых фотографий увлек Нину в спальню. Танцевать медленный танец в комнате вдвоем все равно что отплясывать трепака в одиночестве — одинаково глупо, и мы сели на диван. Я обнял Лену. Привыкшая в танце к моим

рукам, Лена не шарахнулась, наоборот, прильнула и положила голову на мое плечо. Ее тело дышало страстью и желанием. Я не стал томить молодую женщину. Встал, плотно закрыл двери, выключил торшер, а потом разложил Лену на диване и принялся за основательное изучение выпуклостей и углублений на ее теле.

Тень прошлого

На следующий день я не пошел не только в полицию, но и на работу, так дурно мне было от нанесенных бугаем побоев и выпитого накануне спиртного. Я позвонил на работу, попросил завуча спортшколы подменить меня на пару дней на занятиях каким-нибудь тренером, а сам поехал домой и завалился в постель. Никуда не пошел я и на второй день, и на третий, малодушно оттягивая выполнение взятого на себя обязательства явиться в полицию с повинной. Я вел себя точно так же, как ведет себя заядлый курильщик, принявший решение отказаться от дурной привычки, а потом со дня на день откладывает осуществление задуманного. Так, терзаемый муками и сомнениями, дожил я до воскресенья. В этот день, слегка успокоенный тем, что торчу дома на вполне законных основаниях, ибо полиция, равно как и иные организации, в этот день отдыхает, я занялся

уборкой в квартире, а также кое-какими другими домашними делами. А в понедельник утром я подумал: «Ну какого черта я буду добровольно совать голову в петлю? Не трогают меня, ну и ладно!» — и стал собираться на работу.

Ту злополучную рубашку я на всякий случай надевать не стал, душа к ней не лежала. Надел совершенно новую, подаренную мне ко Дню защитника Отечества одной знакомой женщиной, не будем уточнять какой, чтобы не компрометировать ее в глазах соседей и сослуживцев. Затем влез в постиранные и отутюженные накануне брюки и взглянул на себя в зеркало. В общем-то, ничего — вид довольно-таки свежий, можно даже сказать, благоухающий. Опухоль с лица спала, и о той бурно проведенной ночи напоминал лишь разноцветный синяк под левым глазом. Требовалось замаскировать его, а для этого, как известно, изобрели солнцезащитные очки. Я вспомнил, что таковые мне как-то попадались в одном из ящиков трюмо. Пошарил в тумбе в выдвижных ящиках и нашел то, что искал. Очки оказались давно вышедшими из моды, с огромными стеклами, и что-то в них подсказывало мне, что мужчины такие не носят. Однако выбирать было не из чего, я напялил очки на нос и вышел из квартиры.

На улице стояло чудесное апрельское утро,

одно из тех, которым радуется душа не обремененного тягостными думами человека. Ему и листва кажется зеленее, и трава мягче, и небо голубее, и солнце ярче. Я же видел мир в черном цвете, и не только потому, что смотрел на него сквозь темные стекла очков. Окончательно отравить мое существование на земле могла соседка из двадцать второй квартиры Лидия Ивановна — абсолютно седая старуха, сидевшая в конце дома в тенечке на низеньком табурете, прихваченном из квартиры. Старуха была из той категории людей, которой все мешают жить. Особенно дворовая детвора. Она гоняла мальчишек, играющих в футбол, под предлогом того, что поднимаемая ими пыль долетает якобы до ее окна, расположенного на восьмом этаже, а девчонок — за то, что они своими криками мешают отдыхать ее сумасшедшему, глухому как пень деду, который, кстати, тоже был не прочь поразвлечься, гоняясь все за той же детворой с тяжелой клюшкой. Старуха говорила, будто дед участник Второй мировой войны, однако многочисленные наколки на его теле свидетельствовали о том, что он провел свою молодость не на фронтовых дорогах, а в местах не столь отдаленных.

Если в квартире Лидии Ивановны из крана капала вода, то это для нее являлось радостным поводом отправиться в ЖЭК и устроить разгон его

начальнику. Бесконечные жалобы, просьбы и скандалы так достали работников жилищно-эксплуатационной комиссии, что сантехники и электрики, завидев старуху, прятались в своем подвале, а начальник ЖЭКа, если ему удавалось вовремя засечь в окно хозяйку двадцать второй квартиры, просил секретаршу сказать ей, что он убыл на объект. Она переругалась со многими жильцами из своего подъезда и некоторыми из соседних, и те предпочитали с ней не мириться, чтобы снова не ссориться. Она цеплялась ко всем и каждому и даже ко мне, но, учитывая мою сугубо мирную по отношению к ней настроенность, затеять склоку со мной ей никак не удавалось. Тем не менее Лидия Ивановна не оставляла надежды зачислить мою персону в список своих заклятых врагов и каждый раз при встрече останавливала меня каким-нибудь дурацким вопросом, типа: «А вы не знаете, какая это птичка так красиво поет у нас под окнами по утрам?» И когда я, вежливо улыбаясь, говорил: «Нет» и проходил мимо, кричала вслед: «А в вашем подъезде мальчишки опять фломастером стены разрисовали! Поругали бы их, вы же воспитатель!»

Сегодня ей выпадал реальный шанс поссориться со мной, ибо у меня было как раз подходящее настроение, чтобы облаять ее. Однако я назло старухе решил лишить ее удовольствия уже

с утра поцапаться с кем-нибудь и отправился к остановке в обход дома, только бы не встречаться с хозяйкой двадцать второй квартиры.

Спустившись с горочки, я влез в стоявший на кольце полупустой троллейбус, который через пару минут благополучно тронулся в путь. Говорю «благополучно», потому что не знаю, как в вашем городе, а в нашем этот вид транспорта ходит отвратительно. Я не в плане интервала движения, здесь, понятно, на каждого пассажира не угодишь. У меня к трамвайно-троллейбусному парку иные претензии. То ли провода у нас в городе проложили не так, как нужно, то ли водители сплошь «чайники», но только с троллейбуса постоянно соскакивают «рога», и едут они с такой натугой и тяжеловесностью, будто вместо двигателя в них используется мускульная сила самих водителей.

Ехать до работы мне пару остановок, но добирались мы до нужного мне места ровно столько, сколько понадобилось бы, чтобы до него добежать, что я иной раз, опаздывая, с успехом и проделывал. Выгрузившись на залитой солнцем остановке, я перешел дорогу и направился между домами к стадиону, на базе которого и функционировала наша спортшкола. Большая арка с надписью «Трактор» и два футбольных мяча с двух сторон от нее приветствовали меня, когда я, вынырнув из жилого массива, вышел на финишную

прямую. Однако цветов, поздравлений и лаврового венка на пьедестале в конце пути мне не полагалось. Мне полагалась хорошая взбучка от завуча за прогулы, возможно, с объявлением выговора. Увольнение мне не грозило, потому что моя должность не такая уж синекура, за которой охотятся два десятка претендентов. Но до атаки завуча есть еще несколько минут, и за это время я успею внутренне к ней подготовиться.

Сразу же за воротами располагались здания спорткомплекса. Между ними еще одна громадная арка вела на футбольное поле. Справа находились спортивный городок и площадки кортового тенниса. К ним вели тенистые аллеи, по которым вечерами прогуливались молодые мамы из близлежащих домов, а по утрам бегали трусцой старички и те, кто очень хочет похудеть. Я свернул влево, прошел по асфальтированной дорожке, проложенной вдоль крытого бассейна, обогнул гимнастический зал и нырнул в темноту фойе здания, отведенного для занятий по различным видам борьбы, восточных единоборств и бокса. Продолав сложный путь по сложной системе коридоров и переходов между залами, я оказался в длинном коридоре, оканчивавшемся залом для «вольников», «классиков» и самбистов. И вот она, долгожданная встреча с завучем!

Иван Сергеевич Колесников — между своими

дядя Ваня — шестидесятипятилетний круглый, как колобок, мужчина. Он уже пять лет как на пенсии, но до сих пор не хочет покидать насиженного места. Сейчас, глядя на его крупную тяжеловесную фигуру, и не скажешь, что он когда-то был легкоатлетом. Сейчас он и ста метров пройти не может без передыху. Лицо у него широкое, с ноздреватой кожей, напоминает бульдожьё, простите, морду, такое же отвислое и свирепое, а на носу и щеках синие и красные прожилки. Нрав, надо признать, тоже не кроткий. Но мужик дядя Ваня толковый и справедливый. Он никогда не дает нас, тренеров, в обиду перед членами всякого рода комиссий, которые так любят заглядывать к нам на огонек для проверки. А если потребуется, сам сдерет с нас шкуру с головы до пят. В общем, под горячую руку ему лучше не попадаться. И вот надо же так случиться, чтобы двери кабинета завуча находились в одном тупичке, что и двери моего спортивного зала. Само собой разумеется, мы с ним встретились, причем сразу, едва я ступил в коридор, а Колесников зачем-то вышел из своего кабинета, держа папку под мышкой.

— А-а... Гладышев! — с излишней приветливостью изрек дядя Ваня, останавливаясь напротив дверей в раздевалку. — Заявился?

— Да вот, пришел, выздоровел, — ответил я бодро и перемялся с ноги на ногу. Давно я не

чувствовал себя в шкуре провинившегося школьника.

Выпятив и без того отвисшую нижнюю губу, Колесников несколько раз качнул головой, будто совсем и не радуясь за мое счастливое избавление от недуга, и задал каверзный вопрос:

— И что же это за болезнь такая была, что ты даже на улицу выйти не мог?

С печальным выражением на лице я тяжело вздохнул:

— Простуда, дядя Ваня, проклятая простуда подкосила мое здоровье.

— Простуда, говоришь?.. Это плохо, — посочувствовал наконец Колесников и вдруг потребовал: — Сними-ка на минутку очки!

Любого другого начальника я бы к черту послал — что я, мальчик, который готов по первому требованию завуча снять не только очки, но и вывернуть карманы? — но дядю Ваню не мог, он того не заслуживал. Я молча взял очки за дужку и сорвал с лица. Любуйся! В освещенном одной лампочкой коридоре стало чуть светлее от моего фонаря.

Вертикальное колебание головы Колесникова перешло в горизонтальное.

— Да-а... — протянул дядя Ваня. — С такой болезнью действительно стыдно выйти из дому. Больничный есть?

— Откуда! — развел я руками и поспешил добавить: — Но вы не волнуйтесь, Иван Сергеевич, я отработаю.

Колесников подтянул вечно сползавшие с его необъятного живота брюки и переложил папку из одной подмышки в другую.

— Поздно, Игорь, поздно, — сказал он мрачно, протискиваясь мимо меня к выходу. — Я тебя уже премии лишил! — И дядя Ваня выкатился из коридора.

«Лишил, ну и лишил, и черт с тобой! — подумал я зло, входя в тренерскую. — Невелика потеря, чтобы сокрушаться. У меня без твоих взысканий забот хватает!»

Я оставил мобильник и барсетку на столе и отправился в спортзал.

Спортивный зал у меня первоклассный — небольшой, уютный, с высокими окнами, а в вечернее время его освещают прожектора с люминесцентными лампами. Пол застелен матами, поверх них ковром. Матами обиты и стены метра на полтора в высоту. Вдоль одной из стен стоят низкие длинные скамейки, имеется шведская стенка, гимнастические кольца, канаты и кое-какой другой спортивный инвентарь, в основном для силовых упражнений. Кроме меня, согласно расписанию тут проводят занятия еще два тренера, с ними у меня отличные взаимоотношения.

С десяток ребятишек лет по двенадцать-тринадцать в спортивной форме резвились на ковре, но, завидев меня, поднялись с колен. Дисциплина у нас строгая. Если что не так, живо лишу тренировки.

— Здравствуйте, Игорь Степанович! — нестройным хором приветствовали меня мои воспитанники.

— Привет, мужики! — солидно, как со взрослыми, поздоровался я. Пацаны любят, когда с ними так уважительно разговаривают. — Все в сборе?

— Почти, — бойко ответил Сеня Ефимов — щуплый, коротко стриженный паренек с веснушчатым озорным лицом и большими, дико торчащими ушами. — Отсутствуют Мальков, Митрофанов и Андреев.

Тут в коридоре раздался топот, и в двери заглянули три — одна над другой — головы подростков.

— Опоздали, Игорь Степанович, — виновато изрекла нижняя голова. — Разрешите присутствовать на тренировке?

— Разрешаю, — милостиво дозволил я. — Переодеваться и живо на ковер!

Сам я отправился в тренерскую раздевалку, облачился в тренировочный костюм и, вернувшись в спортзал, стал проводить разминку. Едва моя

команда закончила выполнять общефизические упражнения и перешла к силовым упражнениям в парах, как в дверь заглянул Колесников.

— Твой мобильник звонит, Игорь! — объявил завуч и тут же исчез.

Чтобы пацаны не свернули себе шеи в мое отсутствие, я велел им принять упор лежа и отжиматься до упаду, а сам отправился в кабинет завуча.

Что можно сказать о спортивном кабинете, тем более если хозяин в нем мужчина? Пара обшарпанных шкафов с расставленными в них запыленными кубками и грамотами, пара столов, несколько стульев из того же убогого гарнитура, истертый до дыр диван да пара стенов с нормативами — вот и вся обстановка.

Мой мобильник, так и лежал на столе, где я его и оставил. Иван Сергеевич, сидел на своем рабочем месте и заполнял журнал или делал вид, что заполняет.

— Алло? — сказал я, приложив телефон к уху.

— Привет, Игорь, — отозвалась трубка голосом Сергея. — Ну как, одноклассник, отошел ли ты от побоев? Превратился снова в прекрасного Адониса?

Ну что за садизм такой, давить на мозоль?! Я кисло ответил:

— Отошел. Превратился. Колчан и стрелы дать — вылитый Купидон буду. Чего надо-то?

— Да так, поболтать, — настраиваясь на лиричный лад, заявил Рыков. — Еду вот на тачке, думаю, позвоню-ка тебе.

— Ты болтай, да не забалтывайся, — оборвал я приятеля. — Ты меня, между прочим, от занятий оторвал.

Серега тут же перешел на деловой тон и забубнил:

— Ну извини, извини, я не знал. Я вот чего тебе звоню. Мы с Ниной решили завтра съездить на дачу. Махнешь с нами?

Предложение было заманчивым. Я бы с удовольствием его принял, но вторник у меня с утра до вечера был забит тренировками.

— Нет, Серега, извини, но завтра я работаю. — И я покосился на завуча, который, в свою очередь, сердито взглянул на меня в пространство между насупленными бровями и верхней кромкой очков — очков, которые, кстати, своими размерами могли соперничать с размерами моих очков.

— Жаль! — искренне огорчился Рыков. — А то с нами Ленка твоя увязалась. Она очень хочет тебя повидать.

«Эх, Ленка, Ленка, я уж и забыл о твоём существовании», — подумал я, а вслух сказал:

— Да я не хочу.

— Что так? — изумился мой приятель и хихикнул: — А мне показалось, будто вы на моем дне рождения прекрасно поладили.

— Пьяный был, — признался я.

— И не такое бывает, — вздохнув, посочувствовал Рыков. — Ну нет так нет. А Ленку придется с собой тащить. Что ей передать?

Теперь я захихикал:

— Передай ей, что у меня от ее бугров бока болят.

Серегу пару секунд соображал, к чему это я, но так и не сообразил.

— Не понял, — откровенно признался он. — Какие еще бугры?

Я не выдержал и заржал:

— Да это я так, к слову пришлось. Ну, бывай, приятель, увидимся! — Я отключил мобильник и ретировался из кабинета завуча.

В середине дня, когда я проводил очередную, третью по счету тренировку с пацанами, отучившимися в первую смену в общеобразовательной школе, в спортзал снова заглянул завуч. На сей раз с недовольным видом.

— Тебя на сей раз к стационарному телефону, — проворчал он, развернулся и был таков.

Я оставил рослого, всеми уважаемого в этой

группе ребят парня за старшего и покинул спортзал, ужасно раздосадованный тем, что именно сегодня, при моих крайне обостренных отношениях с завучем, мне постоянно кто-то звонит, причем во время проведения занятий.

Колесникову, по-видимому, очень хотелось быть в курсе всех моих дел, обсуждаемых по телефону, потому что он не покинул кабинета, когда я вошел, хотя и мог бы из соображений этики прогуляться, скажем, до спортзала, присмотреть в мое отсутствие за пацанами. В любой другой день он так бы и поступил, но сегодня я был у него не в фаворе.

Звонил какой-то человек с хорошо знакомым мне голосом.

— Алло? — произнес вкрадчивый голос в трубку. — Это Игорь?

— Да, — признался я, мучительно вспоминая, когда и где мог слышать этот голос. — Говорите!

Удовлетворенный моим ответом голос в трубке заявил:

— Отлично! Я Валера. Помнишь, Игорь, мы с тобой сидели несколько дней назад в «Экспрессе», пили водку?

Я живо вспомнил обрюзгшего небритого мужика с обширным пеликаньим подбородком, глазками-бусинками и носом картошкой — того самого противного мужика, что приставал ко мне,

Чуме и Насте с дурацким предложением то ли кого-то грабануть, то ли на кого-то наехать, я уж, признаться, и не помнил, чего он от нас хотел.

— И как же ты меня разыскал? — удивленно и с неприязнью спросил я.

— Всему свое время, — тоном загадочного мистера Икса заявил Валера. — Скоро обо всем узнаешь. В общем, у меня к тебе дело, Игорек!

«Так и будут все меня до глубокой старости Игорьком звать? — психанул я. — Что за фамильярность такая, черт вас всех дери!» Сдерживая вдруг захлестнувшую меня горячей волной злобу, я сквозь зубы процедил:

— Слушай, ты, Валера, или как там тебя кличут?.. Я обещал тебе за то дело руки-ноги переломать? Обещал?.. Так вот, я своих слов на ветер не бросаю. Все, пока!

— Погоди, погоди, я еще не все сказал! — несколько не испугавшись моих посулов, нахально заявил Валера.

Я собрался уже швырнуть трубку, но тон, каким толстяк произнес эти слова, заставил меня снова приложить ее к уху. Я выжидающе молчал.

— Вот что, Игорь, — продолжил Валера. — Дело серьезное. Нам с тобой обязательно нужно поговорить. Жду тебя сегодня в шесть часов вечера по адресу: Некрасова, десять. Запомнил? Некрасова, десять! Это здание бывшего метеоцентра. Я буду на

четвертом этаже в четыреста втором кабинете, в нем мой офис. И еще: если не придешь, — в голосе Валеры зазвучала угроза, — будешь жалеть о своем поступке всю оставшуюся жизнь. Это тебе уже я обещаю. А вот теперь пока и до встречи!

В трубке раздались гудки отбоя. Я оторвал от уха трубку, несколько мгновений задумчиво смотрел на нее, потом положил на рычаг. Оттопырившиеся во время моей беседы уши Ивана Сергеевича постепенно приняли обычное положение. Однако он продолжал смотреть на меня вопросительно, ожидая новостей, касающихся моей личной жизни. Но я человек злопамятный, решил лишить его интересующих сведений на сей счет. Нечего у меня премию отбирать! Но вот полезный совет дать могу.

— Никогда не заговаривайте, Иван Сергеевич, — сказал я менторским тоном, — в кафетериях с незнакомцами. Вот так-то!

Колесников клацнул бульдожьей челюстью, издал звук, похожий на хрюканье, и посмотрел на меня свирепым взглядом. А я, сильно озадаченный и в не меньшей степени обеспокоенный звонком Валеры, вышел из кабинета.

Слова толстяка не давали мне покоя. «Зачем я ему понадобился? Что ему нужно? Наверняка опять начнет приставать с глупой затеей отправиться в дом к тому мужику. А если нет? Вдруг причина в

другом?.. Да нет, скорее всего, нет, ему ничего не известно. Он снова начнет сулить мне деньги, толкать на преступление, а по телефону припугнул, чтобы я пришел на встречу, — тешил я себя надеждами, но в глубине души отлично понимал, что именно могло послужить переменной отношения ко мне Валеры. В мире существовала одна причина, по которой он мог позволить себе так разговаривать со мной. Какая? Да все та же — драка с понажовщиной с бугаем... «Поеду!.. Нет, не поеду!» — шарахался я от одного решения к другому, но в итоге так ни к чему и не пришел.

Весь оставшийся рабочий день меня не покидало чувство тревоги. После работы я некоторое время, раздумывая, стоял на остановке, и вот в тот момент, когда я отправился к притормозившему троллейбусу с намерением поехать домой, ноги неожиданно для меня круто изменили направление движения, я перебежал дорогу и запрыгнул в отъезжавший автобус. Судьба!..

Город наш большой, оживленный. Не Рио-де-Жанейро, конечно, о котором мечтал известный литературный герой, но жить в нем мне очень нравится. Здесь я родился, вырос, женился и... к сожалению, развелся. Но эта тема для отдельного разговора. Я люблю свой город. В любое время года. Летом жизнь в нем замедляется.

Разомлевшие от духоты жители ходят неторопливо, движения их вялы, речь неспешна. Даже трамваи, троллейбусы и автобусы и те приближаются к остановкам по-иному, чем в остальные времена года, — лениво, плавно, величаво. Но вечерами город оживляется, прохлада придает ему бодрости, и тогда его улицы и парки зажигаются огнями, наводняются людьми, то тут, то там звучат музыка, веселый смех... Весна! Ну кто же не любит весны с ее пряным ароматом цветущих деревьев и трав, праздничным настроением, ожиданием чего-то нового, хорошего. Весна — пора любви, новых увлечений, неясного томления, встреч, а может быть, и разлук... Зима у нас не очень суровая, и за то время, пока на земле лежит тяжелое снежное покрывало, нам, взрослым, удастся полюбоваться красотами зимы, детям накататься на коньках, с горок на санка, да и на лыжах за городом тоже. Все мы успеваем надышаться свежим морозным воздухом и немножечко померзнуть... Осень. Унылая осень, понурые деревья, дворники сметают разноцветные листья в кучи, и небо, хмурое небо отражается в лужах прошедшего накануне дождя. И снова дождь. Его струи омывают окна, поливают землю, пожухлую траву и прохожих, спешащих куда-то под зонтиками. В такие моменты меня одолевает грусть, тихая грусть по безвозвратно ушедшим дням, несбывшимся мечтам, утраченным

иллюзиям. Обожаю осень!.. Но довольно лирики, вернемся к моим проблемам.

Я выскочил из автобуса на нужной остановке, прошел немного вперед и свернул на улице к шестиэтажному невзрачному зданию старой постройки, успевшему за свою долгую жизнь потемнеть и кое-где облупиться. Раньше здесь находился метеоцентр, но несколько лет назад он переехал в другие апартаменты, и кому по наследству досталось это здание, я представления не имел.

Я поднялся по мраморным ступеням, вошел в фойе, где в углу в застекленной будке скучал охранник. Он не только не поинтересовался, кто я и куда иду, но даже не повернул головы в мою сторону, когда я проходил через турникет. И чего тогда здесь сидит?

Я вызвал лифт, вошел в кабину и нажал на кнопку с цифрой «четыре». К моему огорчению, она провалилась, ничего не включив. Тогда я поочередно надавил на кнопки с цифрами «три» и «пять», рассчитывая подняться на нужный мне этаж с третьего или спуститься на него с пятого. И снова тот же результат. Когда я уже собрался выйти из лифта, в него вошла молодая женщина.

— Вам какой? — поинтересовалась она.

— Ну, на четвертый, — ответил я насмешливо, очень сомневаясь в том, что ей

удастся без ремонтной бригады лифтеров сдвинуть с места кабину. Однако женщина, прицелившись, тремя пальцами ударила по пульта управления лифтом, двери, к моему удивлению, закрылись, и кабина, натужно скрипя, медленно поползла вверх.

— Три кнопки одновременно давить нужно, — деловито пояснила женщина. — Иначе не поедет.

«И до лифтов кодовая система управления дошла», — подумал я с уважением и признательно улыбнулся попутчице.

На четвертом этаже было тихо, безлюдно и уныло. Я снял очки, сунул их в карман рубашки. Сориентировавшись по цифрам на длинном ряде дверей, прошел в конец коридора. Вторая дверь справа была распахнута, там, в комнате, за компьютером сидела еще нестарая полная женщина с пигментными пятнами на смуглом лице и, сосредоточенно глядя на экран монитора, водила по коврику мышкой. Дверь слева с цифрой 402 была закрыта. Я постучал в нее для приличия и вошел.

То, что я увидел за дверью, заставило мою физиономию вытянуться на несколько сантиметров. В почти лишенной мебели комнате за столом сидел Валера. Но не его присутствие удивило меня, ибо я знал, что он здесь ждет меня, а тех, кто находился поблизости от него. У стены на стульях чинно сидели Чума и Настя. Вот уж кого-кого, а их я не

ожидал увидеть. Я немного растерялся, но виду не подал и с иронией спросил:

— И эту комнату ты называешь офисом? В подвале нашего дома обстановка ничуть не хуже. — Затем повернулся к парочке и, церемонно с ней раскланявшись, поздоровался: — Привет молодому поколению! Я вижу, судьба связала нас одной веревочкой на всю жизнь.

Абсолютно не зная, как себя вести в этой компании, я слегка бравировал. Девушка, просиявшая при моем появлении, указала мне на стул рядом с собой и предложила:

— Садись, Игорь. — И когда я уселся, шепнула: — Очень рада тебя видеть!

Встреча с этой компанией не сулила мне ничего хорошего.

— Не могу ответить взаимностью, — шепнул я в ответ и обратился к Валере: — И как же ты нас нашел?

Толстяк указал своими глазками-бусинками на Чуму.

— Да вот приятель твой Санек помог. Я его в таксопарке разыскал. Он водителем там работает. Он и подсказал, что ты в ДЮСШ номер шесть пацанов тренируешь. Узнать через справочное телефон спортшколы — дело пяти минут.

— А меня они в институте нашли, — встряла в разговор Настя. — Утром я пришла на занятия, а

Чума с Валерой у входа стоят.

Девушка, казалось, нисколько не была огорчена организованной Валерой встречей и смотрела на меня веселыми, полными задора глазами. И чему радуется, дурочка?

— Тоже ты помог? — спросил я с осуждением у Санька.

Чума был настроен агрессивно и сразу же вспылил:

— А что мне было делать?! Этот боров прижал меня к стенке. Да и ты другое запоешь, когда узнаешь, в чем дело.

Откинувшись на спинку стула, сцепив руки на животе и поигрывая большими пальцами, Валера с интересом наблюдал за ходом начавшейся между мной и Саньком перепалкой. Однако ссора между компаньонами не входила в планы толстяка, и он заявил:

— Он прав, Игорек! Дело серьезное. Тот парень, которого вы пырнули ножом, умер.

Вот так-то! Случилось самое худшее из того, что могло случиться. Стул будто сдвинулся подо мной с места и поплыл, а пустая комната закачалась, словно каюта корабля, попавшего в шторм. Хотя я и предполагал, что между нашей встречей с Валерой и той историей с бугаем существует какая-то связь, и готовился к самому худшему, известие о смерти верзилы потрясло

меня. Некоторое время я сидел, оцепенев, потом спросил:

— Как ты это узнал?

Отвесив челюсть, толстяк печально смотрел на меня и качал головой, словно искренне сожалел о случившемся.

— Совершенно случайно. После того как я расстался с вами в кафетерии, я спустился в фойе ресторана в туалет, а когда вышел, увидел ваши удаляющиеся спины. Я задержался на минутку у выхода, и не зря, потому что увидел, как к вам подошел тот здоровяк с двумя парнями и между вами снова завязалась драка. Потом парень упал, раздалась трель полицейского свистка, вы все разбежались, а я нырнул в темноту. В этот момент из кафетерия и ресторана выбежали несколько человек, и я смешался с ними, так что полиция не обратила на меня внимания. Мы наблюдали со стороны за тем, как менты пытались оказать верзиле помощь, но тот умер. Приехала «Скорая помощь», труп парня погрузили в машину и увезли, а полицейские приступили к опросу свидетелей. Воспользовавшись подходящим моментом, я улизнул. Да-а... ребята, вы влипли! Здорово влипли! — подытожил Валера, и в глазах его мелькнуло злорадство.

Для Насти известие о смерти бугая также явилось неожиданностью и повергло ее в шок.

Девушка сидела бледная, с широко раскрытыми глазами и приоткрытым ртом.

— Но откуда ты знаешь, что он умер? — спросила она так, словно еще на что-то надеясь.

Ответ толстяка был категоричен и неумолим:

— Умер, красотка, умер! Я видел собственными глазами, как его запаковали в черный полиэтиленовый мешок, точно куклу, а затем сунули в машину. Так что не сомневайся!

Чума никак не мог успокоиться. Он нервно покачивал заложённой одна на другую ногой и бросал в мою сторону свирепые взгляды.

— Ну, вот видишь, что ты натворил! — неожиданно вскричал он.

— Я?! — искренне удивился я. — А что я натворил?

— Как что?! — Голос Санька перешел на визг. — Ты еще спрашиваешь? — От охватившего его негодования он не мог усидеть на месте и привстал.

Но Валера осадил Чуму окриком:

— Но-но, мужики! — Он с осуждением покачал головой. — Не забывайте, нас могут услышать люди из соседних офисов.

Толстяк был прав. Чума плюхнулся на стул и, сиюсь сдержав охватившее его бешенство, зашипел:

— Это же ты... Ты всадил перышко под ребра

тому парню, а теперь мы все должны за это отвечать!

Вот это новость! Я во все глаза глядел на Чуму, пытаюсь понять, в своем ли он уме.

— Да ты что?! — Я запнулся, подбирая подходящий эпитет для бывшего зэка, и рявкнул: — Хам! Это же ты грохнул верзилу!

— Я?! — пришел черед изумиться Чуме. Он поочередно посмотрел на Валеру и Настю с таким видом, будто хотел им сказать: «Полюбуйтесь, каков подлец, а!» Вслух же с возмущением и притворным восхищением воскликнул: — Ну ты, фраер, даешь! Я так и думал, что ты это убийство на меня свалишь.

— А чего мне его на тебя валить-то? — возмутился и я. — Ты бугая и убил, больше некому. — И я в этом ничуть не сомневался.

Видя, что меня нахрапом не возьмешь, Чума перешел к фактам.

— Из груди верзилы торчал тот самый нож, который мы у него отобрали. Верно? — с трудом сохраняя спокойствие, произнес он и, получив утвердительный ответ, продолжил: — Нож все время был у тебя. Вспомни-ка, в кафетерии я брал его у тебя посмотреть, но потом вернул. Так как же я мог воспользоваться ножом, если он все время находился в твоих руках?

— Да не было его у меня. — Я взмахнул

руками так, словно начисто отвергал все выдвинутые против меня обвинения. — Нож я положил на стол под салфетку, а когда мы встали из-за стола, он пропал, на что я и внимания не обратил. Это ты его стащил вместе с салфеткой.

Чума обнажил свои фиксы, словно хотел меня укусить, и прорычал:

— Туфта!

Возможно, мы еще долго препирались бы с Чумой, если бы потоки взаимных обвинений не остановил Валера. Он хлопнул ладонью по столу и заявил:

— Довольно! Меня не интересует, кто кого ударил ножом. Это установит следствие, а суд определит вину каждого. Кому-то дадут больше, ей вот, — толстяк кивнул в сторону Насти, — меньше. Но все равно вы все будете сидеть за убийство! И сроки получите немалые. — В этот момент в коридоре раздались голоса, и толстяк замолчал. Когда шум стих, он встал, протопал к двери и выглянул в коридор. Убедившись, что там никого нет, закрыл двери на ключ и, вернувшись на свое место, снова заговорил: — Но зоны вы можете избежать, если выполните то, что я вам предлагал в кафетерии. Условия сделки остаются прежние. Я вам плачу тридцать тысяч баксами, вы проникаете в дом моего знакомого и забираете кое-какие документы. Если вы согласны выполнить эту

работу, я буду нем как могила. Если нет, то звоню в полицию и сообщаю о том, кто убил верзилу. Выбирайте!

Я не раздумывал. Резко встал и, в упор глядя на толстяка, сказал:

— А я уже выбрал. Я сейчас сам отправлюсь в полицию и расскажу о том, как все было.

— Ха! — будто змея яд, выплюнул Чума смешок. — Ты умный, да? Хочешь сделать явку с повинной, вот, мол, полюбуйтесь, бывший зэк мужика замочил!

— Тебе же он сказал, — сделал я пренебрежительный жест в сторону небритого мужика. — Полиция во всем разберется...

— Да никто ни в чем разбираться не будет! — заревел Чума. — Узнают, что я сидел, да еще за драку, живо навесят убийство и упекут на всю оставшуюся жизнь за решетку.

— Туда тебе и дорога! — пожелал я и собрался уйти, но меня остановила девушка.

— Игорь, не уходи! — взмолилась она, хватая мою руку. — А как же я? В чем я виновата? Я не хочу в тюрьму! Мне институт заканчивать нужно. Я хочу лечить людей! — говорила Настя с наивностью ребенка. Девушка смотрела на меня снизу вверх, и большие жгучие слезы катились по ее щекам, срывались с подбородка и капали на ее голые ноги, едва прикрытые узкой юбкой. — Давай

сделаем так, как предлагает Валера, и тогда о преступлении никто не узнает. В обмен на свободу мы обязаны пойти на сделку. Это же просто, залезть в дом и взять документы. Я прошу тебя, Игорь, останься!

В глазах и голосе Насти было столько мольбы, горечи и отчаяния, что сердце мое дрогнуло.

«Действительно, девчонка здесь при чем? — впервые задумался я над этим вопросом. — Что она такого сделала, чтобы проходить по делу как соучастница в убийстве? Вроде даже благородно получится, если я не пойду в полицию. Вроде как бы спасая честь дамы, молчу я о преступлении. Вон как!.. И с какой такой стати я должен сам идти в полицию и класть голову на плаху? Неизвестно, как все обернется. Чума воробей стреляный, ишь как заговорил. Возьмет в полиции и свалит на меня убийство. Дадут мне лет пятнадцать, и буду я до глубокой старости пыхтеть на зоне за преступление, которого не совершал. Где же справедливость? Нет, конечно же, я не должен добровольно сдаваться. Пусть Чуму вначале найдут. А если это случится, вот тогда и надо доказывать свою невиновность».

Заметив мое колебание, Санек тут же перешел от обвинений и нападок в мой адрес к уговорам.

— Чего ты ломаешься, Игорек? — произнес он вкрадчиво. — Давай кинем ту хату, тем более

что Валерка говорит, дело плевое, заберем бабки и разбежимся кто куда. И охота тебе задарма на «киче» париться? Тебя сразу же закроют, едва ты к ментам заявишься. А ты представляешь, что такое камера в СИЗО? Это небольшая комната, в которой вместо положенных десяти человек торчат тридцать, а то и более. Это вонь от параша, запах невымытых мужских тел, духота, клопы, мухи и пару раз в день похожая на помои баланда. И чего ты туда рвешься?.. А потом тебя ждет суд, этап и зона... Рассказывать дальше?

Чума словно читал мои мысли. Меня неприятно поразил его вдруг открывшийся дар провидца, а еще больше потрясла нарисованная им мрачная перспектива, которая ожидает меня, если я сдамся. Я высвободил ладонь из рук девушки, однако остался стоять на месте. А в это время сладким голосом сирены запел Валера.

— Послушай, Игорек, — глазки толстяка стали масляными. — Дело предстоит несложное. Вы с ним справитесь. Мужик тот подлец. Он завладел документами, которые ему не принадлежат. Если вы их добудете, то совершите благородный поступок, и многие люди вам огромное спасибо скажут. А еще вы получите деньги, много денег. Ты в спортшколе такие бабки и за пять лет не заработаешь. А на них ты можешь купить машину, мебель, шмотки или что твоя душа

пожелает. Вот вам аванс. — Валера полез в висевшую на спинке стула кожаную сумку, достал из нее пачку стодолларовых купюр и бросил ее на стол. — Здесь десять тысяч. Остальные заплачу, когда добудете документы. Ну как?..

В комнате повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь сопением Насти и тяжелым прерывистым дыханием Чумы. Парень и девушка замороженно смотрели на деньги, будто на волшебный предмет, попавший сюда из сказки. И неудивительно. Эти зеленые бумажки мутили разум и более стойким людям, нежели бывший зэк и неопытная студентка. Наконец Санек оторвался от созерцания поразившего его воображение предмета на столе и взглянул на меня преданными глазами.

— Ну так как, останешься?

Не знаю, что в большей степени — страх оказаться за решеткой, желание спасти от тюрьмы девушку или меркантильный интерес, а возможно, и все три фактора в равной мере — повлияло на мое решение, но я остался. Малодушный и низкий человек! Вслух я не выразил своего согласия, просто бессильно опустил на стул, что было красноречивее любых слов. У всех троих вырвался вздох облегчения.

— Ну вот и отлично! — не скрывая своего торжества, воскликнул толстяк. — Значит, завтра встречаемся с вами часиков в десять утра, скажем,

на площади Пушкина, едем к дому того самого мужика, и там на месте я вам расскажу, что вы должны будете сделать.

— В десять я не могу, — заявил я поспешно, вскидывая глаза. — В это время у меня тренировка.

— Я тоже завтра работаю, — признался Чума.

— Да и у меня лекция, — посетовала Настя.

Валера помрачнел.

— Ну вот что, ребята, — заявил он жестко и окинул нашу компанию суровым взглядом. — Такие деньги стоят того, чтобы вы пожертвовали ради них своей паршивой работой и учебой. А ты, Чума, подъезжай на своем такси. По счетчику я тебе заплачу. И вот еще что, — обращаясь ко мне, сказал толстяк. — Ты, по моему мнению, человек надежный, так что пусть деньги пока у тебя будут. — Валера взял со стола пачку банкнот, привстал и бросил ее мне на колени. — Мне так спокойнее будет. А то, не ровен час, Чума возьмет аванс да смоемся с ним. А тебе я верю. У меня все.

Толстяк грузно встал, давая нам понять, что аудиенция закончена. Поднялись и мы. Я — одурелый от произошедших в этой комнате событий, Чума — недовольный тем, что деньги остались у меня, Настя... Настя, по-моему, вообще ко всему относилась слишком легкомысленно и вела себя как большой ребенок, который все еще считает, что зависит от взрослых и те решают все

его проблемы.

Я повертел в руках пачку купюр. Таких денег мне в своей жизни еще держать не доводилось. Чокнуться можно. Однако если деньги находятся у меня, это еще не значит, что я согласен выполнить работу. У меня еще есть время подумать до завтра. Я сунул пачку купюр в карман, обошел вниманием протянутую для пожатия руку толстяка и, напялив очки, направился к двери.

В коридоре я прибавил шаг, рассчитывая оторваться от Чумы и Насти. Я не готов был делиться с ними впечатлениями, оставшимися у меня от приема у Валеры. Мне необходимо было побыть одному и как следует над всем поразмыслить.

На лифте я не поехал, побоялся не справиться со сложной системой его управления, и стал спускаться по лестнице. А Чума и Настя не побоялись и вперед меня очутились на первом этаже. Когда я, миновав турникет, направился к выходу, Санек уже садился за руль такси, а Настя поджидала меня у дверей, между прочим, весьма соблазнительная в коротенькой светлой юбочке и ярком топике с завязанным чуть выше пупка узлом. Увы, делиться впечатлениями, по-видимому, все же придется.

Девушка подхватила меня под руку и пошла рядом, принаравливаясь к моему шагу.

— Еще раз извини, что так получилось, — виновато сказала она, заглядывая мне в лицо и чуть ли не тычась кончиком носа в мою щеку. — Я не хотела всех этих проблем, поверь мне.

— Я тоже, — с грустью признался я и вяло махнул рукой в ответ на прощальный жест, которым удостоил нас с Настей проезжавший мимо Чума.

В удлинённых, со слегка подкрашенными ресницами глазах девушки вспыхнул лукавый огонек.

— Но все равно я очень рада, что мы с тобой сегодня встретились, — сказала она и не удержалась от улыбки. — Я благодарна Валере за то, что он сегодня свел нас. Я думала, больше тебя никогда не увижу.

Похоже, тот героический поступок, который я совершил, вырвав Настю из лап бугая, так подействовал на воображение девушки, что она слегка повредила в уме и теперь стала путать меня с тем самым парнем, который обещал прискакать за ней на белом коне.

— Было бы справедливее поблагодарить Чуму за то, что он грохнул того верзилу и дал Валере возможность шантажировать нас, — буркнул я. — Ты хоть понимаешь, что говоришь, девочка?

— Понимаю, — вздохнула она. — А это действительно не ты всадил ножик под ребра

верзиле?

Я резко остановился и испытующе взглянул на Настю.

— А ты разве в этом сомневаешься? — заговорило во мне негодование, замешенное на обиде. — Я что, похож на убийцу?

— Нет, конечно, — поспешно заверила Настя. — Я просто так спросила, чтобы лишний раз убедиться, что ты ни при чем. Это все Чума натворил. Он такой противный! — Она поморщилась и без всякого перехода вдруг спросила: — А ты женат?

Ну вот, сейчас начнет про жилплощадь интересоваться. Я усмехнулся:

— А тебе-то какое дело?

— Да так. — Изображая сильное смущение, девушка очертила носком туфельки полукруг на земле. — Интересно.

— Был женат, — неохотно признался я. — Да разошелся. Я не люблю говорить на эту тему, поэтому не задавай больше глупых вопросов.

Глаза Насти хитро блеснули из-под опущенных ресниц.

— Хорошо, не буду, — согласилась она, погасив улыбку. — Но раз тебя дома не ждут, пойдем посидим где-нибудь. — И девушка снова взяла меня под руку.

Меня нахально клеили, если так можно

выразиться про мужчину. Я уже говорил, что не рассматривал Настю как сексуальный объект. Пока... Нет, конечно, я интересуюсь женским полом, и даже очень, причем с каждым годом все больше обращаю внимание не на ровесниц, а на их дочек, но дурных мыслей или, не дай бог, сексуальных фантазий на этот счет себе не позволяю. Разумеется, я могу по достоинству оценить молодое крепкое тело, полюбоваться хорошей девичьей фигурой, но дальше — ни-ни! Табу, извините. Почему, я и сам не знаю. Возможно, с детства комплекс такой остался. Все мои друзья были старше меня, девушки тоже, с младшими я не только не водился, внимания на них не обращал. Так и вырос со старшим поколением, не заметив, что и младшее подросло. Вот до сих пор и отношусь к нему немного свысока. Глупо, конечно, но на то он и комплекс. А может быть, боюсь показаться в глазах молодых особ смешным и старомодным, а потому и не иду с ними на сближение. А скорее всего, статус воспитателя обязывает не грешить с девицами, да и не знаю я, как себя с молоденькими вести. Проще соблюдать с ними дистанцию, держаться умно, чуть иронично, солидно, с достоинством, и тогда ни в чьих глазах не будешь выглядеть ни смешным, ни жалким, ни архаичным. Вот такая моя философия.

— Ну, так как, посидим где-нибудь? — видя,

что я не двигаюсь с места, повторила Настя.

Я легонько высвободил локоть из руки девушки.

— Хватит, в «Экспрессе» уже насиделись! — заявил я и дотронулся до плеча Насти. — А ты, Настенька, иди домой, тебя родители ждут и куклы. Давай, давай, беги!

На лице девушки появилось обиженное выражение, а я прошел мимо Насти и, не оборачиваясь, зашагал к остановке.

Подготовка

На этот раз я прошел мимо Лидии Ивановны и поздоровался. Седая, похожая на ворону старуха — еще одно подтверждение моей теории относительно происхождения человечества — вскочила со своей табуретки и увязалась за мной, будто школьница за любимым пионервожатым.

— А вы знаете, у нас в подвале труба течет! — заговорила Лидия Ивановна с придыханием, голосом смертельно больного человека. — Еще утром вызвала сантехника, и до сих пор никто не пришел. А воды уже огромная лужа натекла. Теперь все лето от комаров в доме покоя не будет.

— Да-да, — посочувствовал я старушке и, как обычно в таких случаях, прибавил шаг.

Лидия Ивановна тоже «поддала газку», однако из-за сильного износа организма не могла соперничать со мной в скорости и уже через пару метров стала заметно отставать, а затем и вовсе остановилась. Но Лидия Ивановна не была бы Лидией Ивановной, если бы позволила мне удалиться без высказанного в мой адрес замечания.

— А у вас за два месяца за квартиру не заплачено! — крикнула она, весьма недовольная моей прытью. — Я об этом сегодня в жэке узнала.

— А у вас там большие связи, — позволил я себе пошутить, резко свернул влево и нырнул в подъезд.

Живу я на восьмом этаже девятиэтажного дома в двухкомнатной квартире, куда вернулся под крылышко матери после развода с женой. Мама, моя бедная мама, недолго скрашивала дни моего одиночества и через два года, солнечным майским днем тихо скончалась на своем диванчике, наказав мне вернуться в лоно семьи. Наказ матери я не выполнил, так и остался бобылем, коротая часы досуга за просмотром телепередач, чтением книг да иной раз, как в тот день на вечеринке у Сереги, позволяя себе случайные связи с женщинами. Вот так и влачил я жалкое существование, пока не повстречался с Настей. Теперь все изменилось. Теперь жить стало веселее.

Я вошел в квартиру и первым делом

отправился в ванную принять душ.

Когда вышел из ванной, то вспомнил о деньгах. Достал из лежавших на кресле брюк пачку долларов, бросил ее на журнальный столик. Стопка зеленых бумажек, всего сто штук, а сколько земных и неземных радостей в себе таит! Соблазн велик! Отодвинув не дававшие мне покоя мысли об убитом бугае на задний план, я позволил себе слегка помечтать. За половину пачки можно купить машину. Недорогую, подержанную иномарку. Потом новую стиральную машину, старая что-то барахлить начала. Холодильник большой, с меня ростом и огромной морозильной камерой. Я критически оглядел комнату. Мебелишку кое-какую сменить. Я не барахольщик, но комфорт и уют мне не чужды. Да, телевизор не мешало бы новый приобрести, с большущим экраном, яркими красками, чтобы смотреть по нему передачи было бы одно удовольствие. Ну и оставшиеся деньги потратить на кое-какую одежду и — я глянул на выгоревшие обои — ремонт. Да... мечты обывателя.

Я отправился в кухню, достал из холодильника пару яиц, колбасу, приготовил яичницу и поужинал. Потом послонялся по квартире, включил телевизор и завалился на диван. По экрану старенького телевизора двигались блеклые мутные тени. Показывали какой-то боевик.

Все-таки новый телевизор не мешало бы купить. А с другой стороны, на кой черт мне все эти вещи нужны? Обходился без них столько лет и еще столько же обойдусь. Но все же с ними обходиться было бы лучше... Ладно, Игорек, не морочь себе голову, утро вечера мудренее, а сегодня спи спокойно. Ты никого не убил и в дом еще ни к кому не влез. Выбор остался за тобой. Я выключил телевизор, вновь лег и, как это ни покажется странным, мгновенно уснул...

На следующий день я на работу не пошел. С утра позвонил завучу на стационарный телефон. Мобильник он не очень жалуется.

— Алло? — прозвучал в трубке старческий грубоватый голос Колесникова.

Разговор предстоял неприятный, и я немного волновался.

— Это Игорь Гладышев звонит, — отрекомендовался я.

Голос в трубке недовольно засопел:

— А-а... Ну-ну... Объявился, значит. А ты знаешь, что у тебя тренировка в девять часов? Пацаны пятнадцать минут как ждут.

— Знаю. — Я собрался с духом. — Я на работу больше не приду.

Последовало мычание, видимо, Иван Сергеевич потерял дар речи, но быстро обрел его, причем с примешавшимися к голосу

саркастическими интонациями.

— Вот как! — неожиданно подпрыгнула в моих руках трубка от мощного голоса старика. — Опять болезнь, теперь уже под правым глазом в виде синяка выскочила?

— Да какая, к черту, болезнь! — досадуя на непонятливость завуча, пробубнил я. — Я совсем на работу ходить не буду. Увольняюсь я.

С речью у Колесникова вновь начались проблемы. Он некоторое время молчал, потом сменил гнев на милость и почти отеческим тоном спросил:

— Что случилось, Игорек?

Ну не стану же я ему объяснять, что решил сменить профессию тренера на профессию налетчика.

— Да так, надоело работать, — нашел я более-менее подходящую причину для своего ухода.

Но завуча почему-то мой ответ не удовлетворил.

— Обиделся за то, что я тебя премии лишил? — догадался он и залебезил: — Да это же я просто так сказал, Игорь. Не бери в голову, получишь ты свою премию, как все.

Ну нельзя же так унижаться. Так и уважение коллег потерять можно.

— Премия здесь ни при чем! — заявил я с

достоинством. — Для увольнения у меня есть иные причины, но сообщить о них я вам не могу. Так что извините за все. Банкета по поводу моего ухода с работы не будет. Зайду на днях в ДЮСШ, напишу заявление. Еще раз извините, и до свидания!

Разумеется, было бы глупо рассчитывать на то, что удастся так легко отделаться от завуча.

— Пстой, пстой! — прицепился он ко мне. — Как же ты так можешь поступить с детьми? Где я нового тренера найду? Доведи группу до своего отпуска, а там можешь увольняться.

Обычная уловка любого начальника, который не хочет расставаться с хорошим (смею таковым себя считать) работником, — потянуть время, а там, как говорит одна восточная пословица, либо падишах умрет, либо ишак сдохнет. Но я на провокации решил не поддаваться.

— Я увольняюсь, Иван Сергеевич, — произнес я твердо. — А искать нового тренера и не нужно. Распределите пока мою нагрузку между другими тренерами, протарифицируйте, и дело с концом.

— Погоди, Игорь, — снова затараторил Колесников. — Может, ты другую работу нашел?

— Да нет же! — невольно усмехнулся я проявлению завучем ревнивого чувства. — Лучшей работы, чем у нас в ДЮСШ, в мире не сыщешь. Я пока никуда не устраиваюсь.

— Так на что же ты жить будешь? — удивился Колесников.

Я взглянул на пачку долларов, все еще лежавшую на журнальном столике. И он еще спрашивает. Да на такие деньги можно жить некоторое время припеваючи, нигде не работая. Волюнку с завучем «увольняюсь — не увольняюсь» нужно было заканчивать, а то душа у меня мягкая, могу поддаться на уговоры. Я еще раз попрощался и положил трубку.

Конечно, я мог бы и не уходить с работы, взять на недельку отпуск без содержания, завуч сейчас пошел бы мне на любые уступки, но, поскольку моральный облик воспитателя подрастающего поколения несовместим с моральным обликом падшего человека, я принял решение расстаться со спортшколой. Итак, выбор сделан. Собираясь на это дело, я и не знал: то ли свое малодушие оправдываю жадной наживы, то ли жажду наживы малодушием, но главное, что меня толкало на этот поступок и в чем я не хотел себе признаваться, была трусость. Я ужасно боялся толстяка и его разоблачений.

В общем, оделся я, побрызгался одеколоном, вышел из дому и полетел на встречу с дьявольской компанией, как мотылек на пламя свечи. Прощай, безгрешная жизнь, прощай, светлое будущее!

Лидия Ивановна, к моему удовольствию, еще

не заступила на пост. Я благополучно прошмыгнул мимо ее подъезда и спустился с горочки к остановке. В сторону стоявшего на кольце троллейбуса даже не взглянул. Имея на журнальном столике десять тысяч баксов, можно раскошелиться на такси. Я поймал тачку, которая в два счета доставила меня к нужному месту.

Эпоха социализма подарила каждому или почти каждому городу бывшего Союза как минимум по улице Пушкина, памятнику Пушкина и прилегающий к нему площади Пушкина. Много чего произошло с тех пор, как началась перестройка. Но какие бы катаклизмы ни происходили на территории постсоветского пространства, сколько бы ни переименовывали улицы, площади и парки, сколько бы ни сносили памятники, все, что касалось имени горячо и всенародно любимого поэта, осталось нетронутым. Наш бронзовый Александр Сергеевич, созданный еще в эпоху царизма, стоял на высоченном постаменте на площади своего имени, обтекаемой со всех сторон потоками автомобилей. Заложив руку за борт сюртука спину, и выставив одну ногу вперед, великий поэт с задумчивым видом смотрел куда-то вдаль, очевидно, сочиняя очередное стихотворение, возможно, даже посвященное Керн, хотя, я думаю, городская площадь не вполне подходящее место для творчества. Впрочем, у

великих свои причуды. Им виднее, где лучше сочинять свои шедевры.

Толстяка видно не было, а Настя и Чума уже находились на месте. Со стороны они напоминали молодую чету, пришедшую возложить цветы к памятнику. Со стороны... Но уж я-то знал, за каким чертом приперлись сюда эти любители поэзии. Я выскочил из такси, перебежал дорогу и направился к парочке. На Насте сегодня были темно-синие джинсы в обтяжку и свободная, навывпуск синяя рубашка. В этом наряде она еще больше смахивала на мальчишку. А вот Чума не баловал свое тело частой сменой туалета. Я его видел третий раз, и третий раз на нем была все та же клетчатая рубашка и старенькие вытертые джинсы. Парень и девушка моему появлению обрадовались.

— Здорово, здорово, — крепко пожимая мне руку, сказал Санек. — Я был уверен, что ты заявишься. Мы теперь на одном поводке у Валерки бегаем.

Настя тоже протянула мне руку. Ладонка у нее была узкой и мягкой.

— А вот я не надеялась тебя увидеть, — призналась она с улыбкой, щуря от яркого солнца глаза. — У тебя все в порядке?

Я поправил на носу свои ультрасовременные очки.

— А что у меня должно быть не в порядке? —

бодро сказал я. — Все в норме.

Чума тоже испытывал ко мне интерес.

— Ладно, ладно, хватит вам ворковать, — заявил он презрительно. — Ты нашу с Настей долю принес?

Пришлось разочаровать Чуму.

— Нет, Санек, баксы дома остались. Вначале посмотрим, какое дело предложит нам этот самый Валера. И если дадим окончательное согласие, тогда и поделим деньги.

Чума сразу ощетинился.

— Ты думаешь, у нас есть выбор? — воскликнул он запальчиво. — Скажи спасибо, что толстяк нам бабки отстегивает. А то заставил бы пахать на него задарма. Мы же у него на крючке сидим.

— То-то и удивительно, — промолвил я озабоченно, — что он нам деньги предлагает за то, что мог бы заставить нас сделать бесплатно. Здесь что-то не так.

— Что? — с любопытством уставилась на меня Настя.

— Кабы я все мог знать и предвидеть, — ухмыльнулся я, — то никогда бы не попал в глупую историю, наподобие этой.

— Да бросьте вы! — досадливо отмахнулся Санек. — У мужика, видать, куры денег не клюют. Вот он и сорит ими направо и налево. Платит нам, и

ладно, а остальное выбросьте из головы.

Я посмотрел на парня иронично, хотя за темными стеклами очков он вряд ли мог видеть выражение моих глаз.

— Тебе, Чума, хорошо так рассуждать, в твоей голове ветер гуляет. В противном случае у тебя возникла бы масса вопросов.

Самолюбие бывшего зэка было задето. Привык, видать, там, на зоне, чуть что, рубаху на груди рвать.

— А ты меня не оскорбляй! — вскричал он, гневно сверкая глазами. — Я, хотя и не спортсмен, за себя постоять могу!

— Прошу вас, мальчики, не ссорьтесь! — молитвенно сложив руки, влезла в мужской разговор Настя. — Нам предстоит одно дело выполнять, поэтому мы должны быть дружной командой. Иначе у нас ничего не получится. Пожалуйста, успокойтесь!

Не успев вспыхнуть, Чума погас.

— Девчонка правду говорит, — проворчал он и, демонстрируя свои мирные намерения, глубоко засунул руки в карманы джинсов. — Мы не должны базарить, если хотим повернуть это дельце и заработать.

Учитывая взрывной характер Чумы, я предпочел не лезть дальше на рожон и замолчал. С независимым видом мы стали прогуливаться на

пяточке перед памятником и поглядывать по сторонам. Наконец появился четвертый поклонник творчества Александра Сергеевича. Толстяк, прихрамывая, шел через площадь, похожий на раненного в ногу носорога. Он и одет был под цвет вышеназванного зверя — во все серое. Ссутулившись, Валера так спешил, что приличных размеров баул, который он держал в руке, порхал вокруг него, точно гигантская бабочка.

— Здорово, ребята! Извините, что задержался! — еще издали закричал толстяк, обошел цветник и, приблизившись к нам, протянул для пожатия руку.

— Здорово, кожаный чемоданчик! — поприветствовал я Валеру. Руку ему на сей раз пожал. Теперь он босс, а босса если не уважать, то хотя бы видимость уважения создавать нужно.

Толстяк вначале опешил, но потом, запрокинув голову, принужденно рассмеялся, так что его второй и третий подбородки заколыхались, точно студень.

— Шутить любишь, Игорек?! — спросил он сквозь фальшивый смех. — Ну-ну, шути. Я веселых людей люблю. — Неожиданно став серьезным, толстяк окинул нас взглядом полководца, проверяющего готовность армии к походу. — Ну, раз все в сборе, — сказал он строго, — поехали! Чума, где твоя тачка?